

The background of the cover is a dark, atmospheric illustration of a vast, ancient underground city. The architecture features a series of large, repeating arches supported by thick stone pillars. The floor is littered with rubble and debris. In the distance, a bright, ethereal blue light emanates from an opening at the end of the corridor, creating a strong sense of depth and mystery. Several spectral, glowing blue figures are visible: a large hand reaching up from the left, a face with glowing eyes on the right, and various other ethereal forms floating or appearing within the arches. Two silhouetted figures, a man and a woman, are walking away from the viewer towards the distant light. The man is on the right, holding a long staff or sword, and the woman is on the left, also holding a weapon. The overall color palette is dominated by dark blues, greys, and the bright cyan light from the distant opening.

ДЕЛЬСИЯ

УРОВЕНЬ БЛАЖЕНСТВА

ЛИЛИЯ ФРИТКИНА

Лина Фриткин

Дельсия: Уровень Блаженства

<https://litres.ru/73288698>

SelfPub; 2026

Аннотация

Как далеко ты готов зайти, чтобы спасти семью?

Келлен готов на всё даже в одиночку отправиться через пол-континента, чтобы вернуть брата и заслужить уважение отца. Его оружие честность и воля. Его проклятие мягкое сердце в жестоком мире.

Его путешествие быстро превращается в борьбу за выживание, где союзники опаснее врагов. Адель, циничный мастер перевоплощений, знает дорогу, но скрывает свои истинные мотивы. Крис, эльф-некромант, ходячее нарушение всех моральных норм, спасший жизнь, но отнявший покой.

Чтобы добраться до Академии, им придется обманывать, пробираться через границы запретных стран и сталкиваться с древней магией. Келлен будет вынужден делать невозможный выбор снова и снова. Пойти на сделку с совестью? Пожертвовать невинными? Довериться тому, кто, кажется, ведет его в ловушку?

Теперь их судьбы связаны в тугой узел, а цена за спасение одного может оказаться душой другого.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	29
Глава 5	50
Глава 6	69
Глава 7	83
Глава 8	91
Глава 9	99
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Лина Фриткин

Дельсия: Уровень Блаженства

Глава 1

Белое, дрожащее солнце плавило воздух, безжалостно раскаляя обжигающие ноги горы песка. Пустыня, заботливо обернутая широким одеялом бесконечных дюн, желтела на картах огромным пятном, редко пестрея голубыми пятнами оазисов. Величественная Пустыня Желтого Пепла. Горячая и безжалостная. Сколько в ней жило существ? Лишь редкие—редкие кланы кочевников, приспособленные к жизни здесь монстры, какая—то травоядная дичь и главный местный апогей цивилизации – стая пустынных оборотней.

Оборотни были очень миролюбивым народом. Заняв самый крупный оазис, они занимались отловом монстров да зверей, обменивая редкие пустынные материалы на необходимые для жизни вещи у проходящих торговцев. Однако, любовь к обращению с оружием трепетно взращивалась среди мужской половины пустынного населения, и, при возникающих у границ конфликтов, всегда находились любители отточить свое мастерство в настоящем бою. Но уходить, за-

воевывать большее количество земель? Никогда. Оборотни ценили свой спокойно протекающий веками быт, развивая хозяйство, развлекаясь мечом и узнавая новости о других государствах из разговоров с торговцами и пустынноиками.

Вылепленные из глины юрты пестрели огромным количеством среди зеленеющих кустов оазиса. Черноволосая смуглая девочка пыталась набрать воды в кувшин из журчащей речки, когда мимо пронесся лохматый вихрь, поднимая вокруг себя песок и заставляя людей, облаченных в легкие рубашки и платья, закашляться.

– Токела, подожди!.. – запыхавшийся младший сын вождя стаи уперся руками в бока и пытался отдышаться. Веснушчатые щеки покраснели, кудрявые волосы насыщенного каштанового, с рыжиной, цвета прилипли к мокрому лбу, а зеленые глаза искрились усталостью и недовольством.

– Келлен, дружище, послушай меня, – высокий загорелый мужчина с длинной гривой огненно—рыжих волос хлопнул юношу по плечу, отчего тот споткнулся и с трудом удержал равновесие. – Если твои человеческие ноги не могут пробежать нужное расстояние без перерывов, то и в волчьей форме ты долго не протянешь. Физическая подготовка – необходимость, а не просто моя попытка незаметно прикончить нашу будущую опору.

– Я понимаю, но у меня внутри уже все горит, – хрипло отозвался Келлен, облачиваясь на деревянный столб, разу-

крашенный цветными красками – маленькие волчата постарались.

– Что будет, если у тебя в один момент не хватит сил долго поддерживать волчью форму, а рядом будет враг? – мужчина ослабился, демонстрируя выдающиеся клыки. – Ты даже убежать не сможешь.

– Я не буду убегать от врага, как какой—то трус! – мгновенно вскинулся юноша, яростно сверкая глазами. – У меня ведь и так самый лучший показатель среди молодых волков стаи, я бегая наравне с ветром, Токела!

– Ты ведь прекрасно понял, о чем я пытаюсь сказать тебе, ребенок, – Токела ухмыльнулся и грубым движением взъерошил чужие кудри, отчего Келлен ощерился и попытался задеть клыками чужую руку, но получил только щелчок по носу. – Никогда нельзя считать, что ты уже достаточно хорош, ведь обязательно найдется кто—нибудь получше. Ты всегда должен стремиться к совершенству, Келлен. А еще от тебя всегда будут ждать большего. И ты сам прекрасно понимаешь почему.

Юноша вздохнул, но улыбнулся:

– Я знаю, знаю. Я готов совершенствоваться, особенно когда ты даешь мне передышки дольше, чем в десять секунд. Но совершить невозможное я пока не готов, извини уж.

– Ладно, до невозможного мы с тобой еще дорастем, а пока – давай еще пару кругов, ленивый волчонок.

Токела схватил Келлена за загривок и потащил к когда—

то самолично вырытой в твердом песке линии старта.

У сына вождя, хоть и не наследника, всегда было много работы. У клана пустынных оборотней было несколько основных отрядов:

- Отряд Стражей, патрулировавших границы и отвечавших за безопасность оазиса.

- Отряд Хранителей, состоявший в основном из женщин стаи, которые занимались сельским хозяйством, уходом за источниками воды и другими жизненно важными делами.

- Отряд Караванщиков – оборотней, скрупулезно изучавших языки и обычаи, чтобы вести переговоры и торговлю с караванами, проходившими через оазис.

- Отряд Ремесленников, которые выделывали шкуры пустынных тварей, занимались гончарным делом и всем тем, что можно было выгодно обменять у торговцев.

Всему этому Келлен понемногу учился, чтобы отцу не было за него стыдно. Вождь в последнее время становился все мрачнее – его наследник, старший брат Келлена Рассел, отсутствовал уже пять лет.

Ох, его старшим братом восхищался каждый член стаи, а волчатам, родившимся после ухода наследника, рассказывали о нем вместо сказок на ночь.

Рассел всегда был самым сильным, самым умным, самым быстрым. Пять лет назад он заявил отцу, что перед тем, как принять статус вождя, ему необходимо отправиться в Академию – единственное государство, где можно получить на-

стоящее образование. Целая страна, состоящая из бесконечных учебных корпусов и общежитий, невероятное множество направлений и, конечно, Вербешулл – столица Академии, звезда мира Дельсии, основанная некогда легендарным колдуном Кастором Албакари. Центральный корпус Академии, по слухам, был невероятных размеров; поговаривали, что в его библиотеке есть все существующие в мире книги, а где—то в глубинах до сих пор обитает призрак самого Кастора.

Тогда отец решил, что Рассел воодушевился этими рассказами. Тот говорил, что настоящий вождь должен быть на шаг впереди своей стаи, вести ее не просто силой, но и знаниями – особенно после тяжелого года, когда проходящие в очередной раз торговцы заразили их заморской лихорадкой, с которой не справились многие пожилые волки. Шиллан лишь вздохнул – старший сын всегда показывал выдающиеся результаты и был его гордостью, так что пришлось уступить. О, как Келлен им восхищался! Как он обожал наблюдать за тренировками брата, слушать о его планах на путешествие, читать вместе с ним сложные книги, разговаривать обо всем на свете! И как безумно он по нему скучал!

Но вот уже пять лет от Рассела не было ни письма, хотя путь с караваном до Академии занимал от силы полгода.

Келлен тоскливо вздохнул, сидя на каменной скамейке и обтирая золотистую от загара шею мокрым полотенцем. В последнее время он все чаще думал о том, что, несмотря

на огромное количество тренировок, догнать уровень Рассела просто невозможно. А ведь ему уже исполнилось восемнадцать – ровно столько же, сколько было брату, когда тот ушел!

«Говорят, к вечеру прибудет караван пустынников, следующих в Академию», – раздался неподалеку приглушенный скрипучий голос. Келлен заинтересованно привстал и бесшумно проскользнул между юртами, прячась за высокими чанами с водой для стирки и украдкой выглядывая.

На песке, в тени раскидистого куста, сидели два старика из Совета Стаи, в который допускались лишь старейшины и вождь.

Один из них, темнокожий Валлир, в молодости бывший капитаном отряда Стражей, задумчиво потер кончик своей острой бороды.

– Не потому ли вождь так оживился? Хочет отправить письмо юному Расселу? Последний караван до Академии был два года назад, но тогда бедная супруга вождя отошла к предкам, и ему было не до того...

– Думаешь, есть толк письмо отправлять? – вздохнул полностью седой старик Наррви, обмахиваясь простым тканевым веером. – Уж не знаю, не с предками ли старший сын вождя... пять лет – и ни одной весточки!

– Чтоб тебе твой глупый язык лошадь откусила! – шикнул на него Валлир, резко переходя на шепот. – Мальчишка был невероятно талантлив! Даже не представляю, что могло бы

его сломить...

Келлен затаил дыхание, но во рту стало горько — он и сам порой думал, что с Расселом, скорее всего, что—то случилось. Не мог же он просто...

— ...сбежать? — раздалось из уст Наррви то самое запретное слово, которое Келлен не позволял себе даже подумать. Он пропустил начало фразы, но все равно вздрогнул, словно от удара.

— Не вижу причин для побега, — нахмурился Валлир, отбирая у приятеля веер и принявшись обмахиваться. — У Рассела было все: будущее вождя, невероятный талант ко всему, за что бы он ни брался, да и красавицу Рикку ему в жены пророчили!

— Только вот красавица Рикка уже через два года после его исчезновения выскочила за того пятнистого простофилю, младшего сына старика Оффи! — язвительно заметил Наррви.

— У девушки брачный возраст подходил к концу! — тут же вступился Валлир, с неодобрением фыркнув в сторону приятеля.

Келлен устал слушать эти откровенные сплетни и тихонько выбрался с обратной стороны тесно стоящих юрт. Едва он отряхнул колени от песка, как чья—то крепкая рука схватила его за ухо.

— Подслушивал? — с ухмылкой поинтересовался Токела, глядя на зашипевшего волчонка, после чего убрал руку.

– Я просто... – обиженно потирая покрасневшее ухо, Келлен не находил слов для внятного оправдания.

– Ну, чтобы за такое мелкое хулиганство тебя ругать, есть твой отец, – подмигнул ему Токела, подходя к дереву с розовыми плодами и срывая один. – Чего такой кислый? О чем там болтали?

Келлен немного помолчал. В груди сворачивался неприятный комок горьких чувств, но, отведя взгляд, он все же тихо ответил:

– Они обсуждали, почему от Рассо нет писем. Я... я и сам не знаю, что думать. Отец после смерти матушки и так стал гораздо строже, а когда недавно отсутствию брата стукнуло уже пять лет, совсем мрачным сделался. Случилось ли что —то с ним? Или он... или он... – Келлен прикусил нижнюю губу. Ему уже восемнадцать, но он все никак не мог отучиться плакать.

– Ну, ты чего? – Токела выбросил недоеденный фрукт и быстро подошел к Келлену, вытирая ему щеки краем своей длинной белой туники. – Прекращай! Если Шиллан это увидит, тебе опять придется целый день выслушивать нотации!

– Но я... я каждый день так стараюсь... – Келлен всхлипнул, безуспешно пытаясь успокоиться. – Я пытаюсь его догнать... но я плачу не потому, что хуже его, а потому, что очень хочу, чтобы он вернулся!.. Почему он не возвращается, Токела?..

– Тише, тише, – Токела со вздохом взъерошил его кашта-

новые кудри. – Я думаю, Рассел вернется, обязательно вернется. Просто до Академии далеко ехать, да и учатся там подолгу...

– Тогда почему он не пишет? Почему за пять лет он ни слова не написал? – Келлен прислонился к стволу широкого дерева, сполз на песок, обхватил колени руками и уткнулся лицом в сгиб локтя.

Токела ничего не ответил.

Глава 2

Келлен проснулся с первыми лучами солнца. На улице стояла приятная прохлада, поэтому он, быстро натянув белую тунику и темные штаны—шаровары, сполоснул лицо водой и вышел навстречу сегодняшним обязанностям. Дел предстояло много – у них на целый день задержится прибывший ночью караван из Академии.

– Келлен, милый, иди сюда, – позвала одна из женщин стаи, статная кудрявая Ревекка, прижимая к груди своего младшего двухлетнего сына. – Можешь приглядеть за детьми? В шатер твоего отца надо срочно подавать завтрак, а я никак не могу найти Шайло! Эта бестолковая девчонка вечно забывает про свои обязанности! С вождем сейчас глава каравана, а я...

– Я понял, понял, – Келлен забрал у нее любопытно смотрящего на него мальчонку и зашел в юрту женщины. Там на ярком плетеном ковре сидели еще и четырехлетние близняшки Румми и Шерри.

– Дети еще не завтракали, накорми их, пожалуйста, и поешь вместе с ними, – заглянула в юрту Ревекка, уже держа в руках подносы. – Я пойду на кухню – надо доделать работу Шайло. Скоро буду!

Келлен опустился на стул, устроил у себя на коленях маленького Вади и, пододвигая свободной рукой тарелку с фи-

никовой кашей, принялся аккуратнo кормить малыша. Вади был очаровательным ребенком – с золотистой кожей, пушистыми черными кудрями и огромными голубыми глазами. *Из него вырастет настоящая гроза для всех девчонок в стае,* – с улыбкой подумал Келлен.

– Мы тоже хотим кушать, – пропищала Румми, держа сестру за руку.

– У меня всего две руки, так что садитесь за стол и берите свою кашу, – показал им язык Келлен, не прерывая кормления Вади.

– Мы не хотим кашу, мы хотим сок! – включилась Шерри, грозно топая миниатюрной ножкой.

– Если съедите кашу, я буду читать вам сказки, пока мама не вернется, – пообещал Келлен.

Девочки тут же заинтересованно усадились за стол.

– Ты пообещал, – строго сказала Румми, вкладывая ложку в руку сестре и пододвигая к ним тарелки с кашей.

Закончив кормить детей, Келлен позволил себе проглотить одну лепешку с вареньем из каких—то невероятно кислых ягод, схватил с полки первую попавшуюся книгу и усадился на пол. Дети тут же устроились рядом, внимательно уставившись на него.

Сказка была простенькой, но из тех, что Келлен обожал в детстве – обычный деревенский мальчишка получал волшебный меч и шел спасать принцессу от кровожадного дракона. Пришлось объяснять детям, кто такой дракон и что за

зверь – принцесса.

– Если бы ты была дочкой вождя, то была бы принцессой, – дразняще заметил Келлен, улыбаясь задавшей вопрос Румми, и убрал книгу на полку.

– Значит, ты принцесса? – вскинула брови девочка, расправляя платье на коленях.

Келлен подавился воздухом и уже собрался что–то ответить, как в юрту вернулась Ревекка.

– Келлен, милый, иди сюда, – она призывно поманила его за собой. Вади отключился еще на середине сказки и сейчас мирно спал на ковре, посасывая палец, так что Келлен со спокойной душой вышел вслед за женщиной.

Женщина беспокойно теребила подол платья, явно пытаясь сдержать улыбку. Наконец она огляделась по сторонам и, наклонившись к нему, заговорщически зашептала:

– Келлен, я не хочу давать тебе ложных надежд, но не могу не рассказать, что случайно услышала, когда забирала подносы. Обещай, что не выдашь меня отцу! Возможно, это и вовсе не то, о чем я думаю...

– Ну? – нетерпеливо перебил ее Келлен, прикусив нижнюю губу. Что такого шокирующего могла услышать Ревекка, и почему это должны были быть хорошие новости?..

– Я... – женщина прочистила горло и на одном дыхании выпалила: – Глава каравана сказал твоему отцу, что его просили передать письмо... из Академии!

– Из Академии? – неверяще повторил Келлен. Это точно

письмо от Рассо, точно от него!

– Именно, – радостно кивнула Ревекка. – Неужели наше солнышко наконец—то вернется? Одни предки знают, как мы по нему скучали и как молились за него! Бедный вождь, он так долго ждал этого! Наконец к нему вернется достойный преемник!

В сердце Келлена что—то неприятно кольнуло от этих слов, но Ревекка схватила его за руку, не дав мысли внятно сформироваться.

– Ну же, беги к отцу! – ласково потрепала она его другой рукой по волосам. – Ты ведь тоже скучал по брату! Вдруг письмо и вправду от него?

Келлен даже не ответил – он развернулся и быстрым шагом рванул к большой, богато украшенной шкурами и бисером юрте вождя. Но через несколько мгновений его пыл немного охладился – там же был глава каравана! Как будет выглядеть сын вождя, врывающийся без приглашения? Новости и впрямь были ошеломляющими, но, зная характер отца, Келлен понимал: он должен вести себя достойно своего положения.

Но ему так хотелось скорее услышать, вернется ли Рассо!..

Собравшись с духом, он решил прибегнуть к возникшей недавно вредной привычке: обойдя юрту и усевшись за коробки, чтобы никто его не увидел, Келлен опустил голову и прижался ухом к трещине в глиняной стене. Да, шанс того что его кто—нибудь случайно найдет и поднимет скандал,

был, но любопытство и какая—то пьянящая радость взяли верх над здравым смыслом.

— ...от него! Это от моего мальчика! — раздался радостный возглас отца. — Простите, уважаемый Самум, я пять лет не получал от него вестей!

— Понимаю вашу радость, — ответил ему низкий голос с легким акцентом. Было давно известно, что караванщики предпочитали говорить на своем языке, чтобы поменьше чужих вникало в их дела. — У нас впереди еще целый день, и я не возражаю, если вы распечатаете письмо сейчас.

— Ах, спасибо... Токела, подойди—ка! — Келлен вздрогнул. *Токела тоже здесь?* Он знал, что отец и Токела в молодости были близкими друзьями, но чем больше обязанностей на них ложилось, тем меньше времени оставалось на дружбу.

— Ты самый близкий мне человек. Возьми письмо и прочти вслух. Боюсь, отцовские слезы смоют чернила, если упадут на пергамент, — продолжил отец. Келлен снова почувствовал в груди неприятный укол. Он уже забыл, каким бывает голос отца, когда тот по—настоящему счастлив.

Послышался легкий хруст ломаемой печати, шелест разворачиваемого пергамента, и Токела, откашлявшись, начал читать, а Келлен, прикрыв глаза, жадно внимал каждому слову:

"Дорогой отец,

У меня нет права просить прощения, но я все равно попрошу. За свое исчезновение, за долгое молчание и за то, что ты сейчас прочтешь. Я знаю, какие надежды возлагал на меня ты и вся наша стая. Но мой отъезд был вызван, как ты уже наверняка понял, не одной лишь жаждой знаний.

Я ушел не на время – я ушел навсегда. Всем сердцем я люблю тебя, маму и Келлена, но быть вождем я не смогу. Здесь, в Вервешулле, я нашел свое место. Я счастлив благодаря тому, что у меня есть. Я женился на прекрасной женщине, и у нас родился сын. Здесь у меня семья, работа, будущее и любимое дело. Здесь я принесу большие пользы, чем дома. Теперь мой дом – Академия.

Умоляю, прости меня, отец. Но знай: я не оставил тебя ни с чем. У нашей стаи есть Келлен. Он замечательный и талантливый юноша, и станет для волков прекрасным вождем. Обними его и маму от меня, пожалуйста.

И, чтобы больше не бередить твое сердце, я не буду больше писать. Но знай, что я помню о вас всегда.

Твой Рассел".

Глава 3

Повисла звенящая тишина. Казалось, даже посторонние звуки – уличные крики детей, смех женщин, журчание ручьев оазиса и шелест растений – все замерло. Келлен уже не слышал ничего, он просто смотрел в песок. Блестящие на солнце песчинки расплывались у него перед глазами, мир начал медленно вращаться, а перед глазами заплясали пятна.

Он очнулся от едва слышного звука – с его подбородка на песок глухо упала соленая капля.

Тут же послышался скрип сиденья и раздался голос Самума:

– Пожалуй, я откланяюсь. Закончим обсуждение немного позже.

– Конечно, – хрипло ответил Токела.

Послышались шаги и звук перестукивающихся бусин, висящих у входа в шатер.

Келлен так и сидел, прижавшись ухом к трещине в глиняной стене, замерев, не в силах пошевелиться. Он чувствовал только, как слезы безудержно текут по его лицу, а в груди сжимается какое–то горькое чувство. Это письмо не могло быть правдой. Рассо не мог их бросить!..

По ту сторону юрты еще несколько мгновений царила тишина, после чего отец откашлялся – и вдруг раздался громкий стук, словно кто–то ударил по столешнице или стене.

– Шиллан!.. – раздался встревоженный голос Токелы, который, судя по всему, подбежал к вождю. – Успокойся! Ты... неужели ты ожидал чего—то другого? Он ведь за пять лет ни единого письма не прислал!

– Лучше бы и дальше не присылал! – рявкнул отец, и Келлен вздрогнул от этого голоса. – Как он мог! Бросил стаю, женился, живет, значит, в Вербешулле! Я растил его будущим вождем! Кто теперь займет это место после меня? Он хоть подумал о нашем будущем?

– Может... – начал было Токела, но Шиллан тут же его перебил:

– Никаких других вариантов быть не может! Он же рос таким талантливым... Я никого, кроме себя да тебя, и поставить—то не могу, а ты, Токела, прости уж, доживаешь этот век вместе со мной.

– А Келлен? – тихо, но настойчиво спросил рыжий оборотень. – Рассел ведь прав, у тебя есть второй сын. – Судя по приглушенному звуку, Токела похлопал вождя по плечу.

Келлен поспешно вытер рукавом туники слезы. *Ведь и правда*, пронеслось у него в голове.

– Но толку от этого сына? – вздохнул отец, и этот вздох заставил Келлена сжать зубы, словно от удара под дых. – Что он есть, что его нет. Он такой же, как остальные волчата, если не хуже. До сих пор с детьми на мечях играет да о приключениях мечтает. Токела, не смей возражать – я вырастил их обоих!

Наступила тягостная пауза. Келлен больше не плакал. Горечь в груди кристаллизовалась во что—то холодное, настолько же холодное как голос отца. Слова Шиллана не ранили — они обнажили давнюю истину, которую он боялся признать даже самому себе. Он всегда был лишь тенью старшего брата, вечным «другим» сыном.

«Что он есть, что его нет...»

— Я люблю его, но он же мягкотелый, глуповатый и... — продолжил отец, но Келлен не стал дослушивать. Он медленно, преодолевая одеревенение в мышцах, отодвинулся от стены. Ладонь, прижатая к шершавой глине, онемела.

Он каждый день выматывался до потери сознания, чтобы отец хотя бы взглянул на его успехи, но все равно был всего лишь чуть лучше своих сверстников. Да, наверное все были правы — вождь из него вышел бы посредственный.

Келлен побрел к себе в юрту и упал на широкий плетеный ковер, заложив руки за голову и глядя в пестрый от украшений, перьев и бусин потолок. Как бы ему хотелось не слышать этих слов и дальше тешить себя надеждой, что он хоть что—то представляет для отца. Хоть что—то!

«Что он есть, что его нет...»

Так значит, исчезни Келлен — и вождю было бы все равно? Ах, как бы он хотел и впрямь исчезнуть — и посмотреть, что тогда будет делать отец... горевал бы он? Скучал бы? Или продолжал бы думать о Рассо?

Рассо...

Келлен вновь почувствовал, как в уголках глаз защипало. У него сегодня столько занятий, а он ни на одно не пришел. Доложит ли кто отцу? Скорее всего, нет. Его отсутствие просто не заметят. Или заметят, но решат: «Ну и пусть валяется, толку—то с него».

Это была предельная точка. Точка, где боль и унижение переплавлялись во что—то новое – острое, холодное и решительное. Мысль, которая раньше была лишь туманной фантазией, вдруг обрела кристальную четкость. А что, если... исчезнуть не на день, а навсегда? Словно в ответ, с края стоянки донесся далекий, но отчетливый звук – мелодичный перезвон караванных колокольчиков.

Он замер, прислушиваясь. Чужая речь. Смех. Звон подков о камень. Они ведь еще здесь. Они идут в Академию.

Сердце вдруг заколотилось с новой силой – уже не от горя, а от чего—то, что было похоже на страх, но оказалось на поверку азартом.

Он вскочил и, почти не думая, сунул руку под груду дорожных шкур в изголовье. Пальцы нащупали прохладную кожу небольшого кошелька. Его сбережения – то, что он нехотя скопил за годы, когда различные торговцы с улыбкой ерошили его волосы и совали симпатичному мальчонке золотые монеты. Потом он резко огляделся. Что взять? Все его имущество здесь было частью этой жизни, от которой он хотел сбежать. Он накинул на плечи самый потрепанный, ничем не примечательный плащ, способный укрыть и от солнца, и

от любопытных взглядов. Из очага для мяса, где еще тлели угли, он вытащил маленький горшочек с сажей и, поймав свое отражение в полированном медном тазу, быстро провел несколько полос под глазами — как делали волки из клана Стражей перед рейдом. Не для маскировки. Для храбрости.

Он стоял посреди родной юрты, слушая далекий гул каравана, и чувствовал, как последние привязки к этому месту рвутся одна за другой. Страшно? Еще как. Но эта страх был живым. Он был лучше мертвой, гнетущей пустоты, которая заполняла его минуту назад.

«Что он есть, что его нет», — прошептал он еще раз.

Он сбежит с пустынниками, доберется до Академии, найдет Рассо. Заодно обязательно переживет по пути множество приключений, а когда вернется вместе с Рассо, будет захлеб рассказывать отцу о своем путешествии, и тогда все обязательно станет как в детстве — когда он тоже был любимым сыном. Уж за годик со стаей точно ничего не случится.

Оставалось лишь решить, как уговорить пустынников взять его с собой. Вряд ли они захотят портить отношения со стаей и захотят принять какого-то мальчишку к себе под покровом ночи. Отец не отпустит его просто из злости, да и вообще просить его о чем-то сегодня — пропащее дело, а когда будет следующий караван, идущий в Академию? Еще через два года?

Келлен достал с полки одну из множества своих книг и принялся листать ее, одновременно с этим вытряхивая зве-

нящие монеты из кошелька на стол.

– На один медный асс можно купить большую буханку хлеба, – прочитал он, откладывая медную монетку в сторону. – Пятьдесят ассов – это один серебряный кредит... на него можно снять комнату в средней таверне на сутки...

Келлен положил на медную монетку плотный серебряный квадратик.

– И, наконец, золотая ливра, – он поднял к глазам отличающийся золотом маленький треугольник, две фаланги в высоту. – В ней десять кредитов. Ладно, это и правда, стоило повторить.

Он принялся пересчитывать деньги – у него было около тридцати ливр, двадцати кредитов и целая пригоршня мелкий медных ассов. Этого должно было хватить?..

До сумерек Келлен собирал сумку – положил туда сменный комплект одежды, бурдюк с водой, мешочек фиников и прочей мелочи. Кошелек он убрал во внутренний карман своей накидки.

И самое главное – подарок отца на его десятилетие. Он с печальной улыбкой вспомнил, как страшно ругала отца мать, когда вождь выкупил у богатых торговцев широкий тяжелый двуручный меч, с которым Келлен тренировался по сей день.

Оборотень понимал, что меч слишком бросается в глаза, поэтому тщательно замотал его в испачканную песком некогда белую ткань и проверил, хорошо ли тот держится на спи-

не.

Теперь оставалось главное.

Келлен выскользнул из юрты и бесшумно приблизился к той части оазиса, где расположились пустыnnики.

У костра толпилось много народу – замотанные в многослойные светлые одежды кочевники и разговаривающие с ними волки—оборотни. Оставалось понять, где их главарь – наткнись Келлен на него, и все бы пропало.

– Когда вернется уважаемый Самум? – обратилась одна из женщин—пустыnnиц к оборотню.

– Им с вождем только что отнесли ужин, – тут же улыбнулся ей полноватый мужчина средних лет из клана Караванщиков.

– Гарт, будь добр, распредели порядок выхода, пока Главы нет, – обернулась женщина к сидящему у костра короткостриженому, загорелому мужчине со шрамом через все лицо.

– Пока сидите, – хрипло ответил он, переворачивая на углах шампур с пустынным зайцем. – Скорее всего, будет как обычно.

Келлен выждал, пока женщина отойдет, и тут же опустился на камень рядом с мужчиной.

– Вас зовут Гарт? – он собрался с духом и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Вы решаете, кто и как едет, да?

– Решаю, – не отрывая взгляда от шампура, ответил Гарт. – Но ссор с местными псами не хочу, а ты явно не просто

так ко мне подсел.

– Я не стану причиной ссоры, – тут же парировал Келлен и выложил на ладонь десять ливр. – Я хочу стать причиной вашего хорошего заработка. Мне срочно нужно в Вервешулл, инкогнито. Смотрите: половину дам сейчас, вторую – когда пройдем полдня пути...

– Спрячь! – зашипел мужчина, настороженно оглядываясь, чтобы убедиться, что на них никто не смотрит. – Ты кто такой, чтобы так щедро платить и бояться собственной стаи? Шпион? Беглец?

– Тот, кому нужно оказаться в городе, чтобы выполнить поручение семьи. Тайное поручение. Очень срочное. К тому же...

– Настоящие? – вдруг перебил его Гарт, кивнув в сторону монет, зажатых в руке под плащом. Келлен молча протянул ему все.

Мужчина взял одну, попробовал на зуб, сузил глаза. Взвешивал не только монету, но и самого оборотня.

– Ладно. Договоримся так. Эти десять – мои. Сейчас. А еще пять сверху – в Альгире. Если на выходе тебя поймают – я тебя в глаза не видел. Сам выкручивайся.

– Хорошо! – тут же кивнул Келлен, стараясь не выдавать облегчения.

– Тогда слушай. Бери вещи – как можно меньше, и поезжай вон в ту повозку с бочками. В Альгире я подам тебе сигнал, вылезешь и уже внесешь Главе плату за путешествие с

караваном, мол, ты из Альгира парень вообще. И только попробуй себя выдать.

— Я все понял, — Келлен тут же поднялся и на дрожащих от волнения ногах кинулся в свою юрту. Взяв мешок с вещами, и закрепив на спине меч, он на миг замер на пороге. Последний раз окинул взглядом знакомый полумрак, где каждая вещь хранила тепло дома. Но дома больше не было. Был шатер вождя, где его уже списали со счетов, и повозка с бочками, что ждала его.

Оборотень немного замешкался, после чего вернулся, достал пергамент и принялся быстро писать:

“Отец. Я знаю, что все время был для тебя лишь тенью, неспособной и близко догнать Рассо, но пришло время изменить твое мнение обо мне. Я отправляюсь с караваном в Академию. Найду Рассо и верну его домой, заодно постараюсь как можно больше узнать о мире, о других людях, изучить множество новых вещей, чтобы ты, наконец, понял, что и я могу приносить пользу, и я могу стараться для блага нашей стаи. Не ищи меня, хотя ты и так вряд ли будешь это делать. Но я сделаю все, что в моих силах, чтобы Рассо вернулся. Дай мне год, отец, и ты увидишь, что я тоже достойный тебя сын. И передай Токеле, что я постараюсь извлечь из наших ежедневных тренировок как можно больше пользы! С уважением, твой второй сын Келлен.”

Караван уже оживал: погонщики покрикивали на лохматых, толстошкурых и неповоротливых животных, похожих

на помесь лошади и коровы – ишшатбархов, слышался скрип колес и лязг упряжи. Под прикрытием сумерек и всеобщей суеты Келлен скользнул к указанной повозке и втиснулся в узкий проход между высокими бочками с водой. Запах смолы, старого дерева и пыли ударил в нос. Он натянул капюшон, съежился, прижав колени к подбородку. Отсюда почти ничего не было видно – только узкая щель между полотнищами брезента и кусочек темнеющего неба, где зажигались первые звезды.

Он устал считать минуты, когда вдруг движение началось с легкого толчка. Повозка дернулась и плавно покатила вперед. Звон колокольчиков, мерный топот копыт, приглушенные голоса – все слилось в один убаюкивающий гул дороги. Оазис, стая, отец – все это оставалось позади, растворяясь в опускающейся ночи. Сердце Келлена бешено колотилось, но теперь в этой тесноте, под чужим брезентом, его накрыло неожиданное спокойствие. Пусть впереди была неизвестность. Пусть он будет безродным беглецом, когда переступит границу пустыни. Зато он сам сделал этот шаг. И пока повозка везла его прочь от всего, что он знал, он впервые за долгое время почувствовал, как внутри, сквозь трещины отчаяния, пробивается тонкий, хрупкий, но живой росток свободы.

Глава 4

Келлен сделал вдох, и легкие обожгло горячим пустынным воздухом. Когда он был частью равномерной, но находящейся в постоянном движении жизни племени, такие мелочи, как жара, казались привычными, а внимания на этом никто особо не заострял.

Но сейчас, когда лохматые, толстокожие и неторопливые животные тянулись вереницей вдоль раскаленных песков, волоча на себе закутанных в белые одежды пустынных торговцев, тюки с товарами, покрытые паутиной мелких трещин кувшины с водой – и самого оборотня, – Келлен всем телом ощущал вязкость медленно текущего времени и безжалостность вечернего солнца.

Рядом с внезапно остановившейся повозкой раздался недовольный женский голос и встревоженная ругань Гарта. Келлен не знал языка пустынников, но разговор явно был напряженным. Это продолжалось еще пару минут, пока чья —то рука не дернула плотный полог, под которым Келлен уже начал задыхаться от жары.

Оборотень на несколько секунд ослеп от яркого света, хлынувшего на него, а когда зрение вернулось, он увидел пораженно смотрящую на него смуглую темноволосую женщину.

Внутри у Келлена все похолодело – их раскрыли! Сейчас

его просто выбросят из повозки, и он с позором вернется в стаю... а впереди – почти сутки пути!..

Женщина резко повернулась к Гарту, собираясь что—то сказать, но тот тут же наклонился к ней и что—то быстро зашептал на ухо. Она посмотрела на него долгим, непонимающим взглядом, со вздохом повернулась к Келлену и заговорила с сильным акцентом:

– Бедное дитя пустыни. И ты пролежал здесь всю ночь и весь день?..

Келлен испуганно кивнул, боясь даже открыть рот.

– Вам двоим просто повезло, что эта телега в самом конце каравана и за нее отвечаю я. Глава открутит нам головы, если узнает об этом! – женщина устало потерла глаза. – Меня зовут Ши́ра. Ты, наверное, очень устал, дитя?

– Простите, пожалуйста, – тихо прошептал Келлен, спускаясь из телеги на песок и поджимая ноги. – Я не хотел создавать вам проблем... но мне правда надо в Академию! Я...

– Успокойся, – женщина опустилась рядом с ним и принялась расстегивать свою сумку. – Мы уже у границы с Альги́ром. Осталось полдня пути – и будем в ближайшей деревне. Раз уж тебя до сих пор не нашли, нет смысла поднимать шум. Не отправлять же тебя обратно? Да и если бросить тебя в джунглях – совесть меня замучает.

Ши́ра устало улыбнулась ему, и Келлен снова едва не заплакался – теперь от облегчения.

– Спасибо... спасибо вам огромное... – забормотал он, не

решаясь поднять на женщину влажные глаза.

Пустынница хмыкнула и достала из сумки пару лепешек.

– Возьми, поешь. Ты, наверное, ужасно голоден, – она протянула ему еду, которую Келлен принял с благоговением.

– Я... спасибо... но еще... – оборотень зарделся и отвернулся. Он не знал, как сказать ей, что за сутки зов природы стал невыносимым и причинял ощутимые неудобства. Все это время молчавший рядом Гарт заметил его смущение и, наконец, подал голос:

– Просто замотайся в плащ и сходи в джунгли. Привал продлится еще час, так что не бойся. Нас здесь хоть и человек двадцать, но караван сборный, многие друг друга в лицо не знают. Просто быстро зайди в чащу, как это уже сделала половина наших.

– Понял, – тут же кивнул Келлен и, накинув капюшон, взял свой мешочек с вещами, куда сунул лепешки, и поднялся на ноги.

И обомлел.

Прямо перед ним тянулась, казалось бы, бесконечная полоса густых джунглей, пестрых, дышащих свежестью и обилием различных растений. Такой резкий контраст с желтой пустыней был настолько ярким, что в голове оборотня проскользнула мысль о том, что он все еще спит. Их маленький оазис не шел ни в какое сравнение с этими гигантскими деревьями.

Он подошел к одному из темно—зеленых кустов и обхва-

тил широкий лист пальцами – растение оказалось вполне реальным, плотным и влажным.

Позади громко откашлялся Гарт, и Келлен, недолго думая, быстро шагнул в темную густоту высоких деревьев.

Оборотень порвал одну лепешку и прикреплял к деревьям за своей спиной по кусочку, чтобы потом вернуться без задержек. Отойдя так далеко, чтобы гул толпы не было слышно, Келлен привалился плечом к дереву и со стоном облегчения избавился от проблемы.

Подняв глаза к разбитому на кусочки кронами деревьев небу, он вздохнул, чувствуя, как ватные ноги отказываются двигаться обратно.

Решив, что у него еще много времени до отправления каравана, оборотень опустился на обломанный кем—то пень и вцепился зубами в лепешку. Хотелось мяса, но надо было потерпеть до города, поэтому он смиренно прожевал хлебную мякоть и запил водой. Тишина, прерываемая редким чириканьем птиц, прохлада и полумрак успокаивали. Ему хотелось побыть здесь подольше.

Рядом чирикнула птичка. Келлен поднял глаза и принялся рассматривать яркий, пестрый комочек, восседающей совсем рядом на ветке. Приглядевшись, он вдруг похолодел – в клюве животное держало один из кусков лепешки, которые он насаживал на деревья.

Судорожно обернувшись, оборотень начал высматривать на деревьях остатки лепешек. Их, ожидаемо, не было.

— О, Великая Пустыня! — Келлен подхватил сумку и пошел в некое предположительное “обратно”, постоянно оглядываясь по сторонам. — Еще не хватало потеряться! Милые предки, вот бы они еще не успели уйти...

Побродив в течение десяти минут по непроглядным курстарникам, Келлен отчаянно пнул ногой какую—то корягу. Каравана не было слышно вообще.

Решив найти попутчиков по запаху, он, немного помешкав, обернулся в крупное, лохматое животное, и, подхватив сумку зубами, дернулся в сторону на запах лепешек. Спустя некоторое время джунгли начали редеть, но вместо радостного ускорения, волк внезапно замедлился, а шерсть на загривке встала дыбом.

Он почувствовал запах крови.

Мигом обернувшись человеком, Келлен, преодолевая дрожь в ослабевших ногах, бесшумно подошел к границе джунглей и опасливо выглянул — пальцы впились во влажную кору дерева, а глаза расширились.

Вся намеченная белыми платками зона для привала была в крови. Ишшатбархи мертвыми комьями окровавленной шерсти валялись на песке, а брюхо каждого было распорото крупными глубокими полосами — словно от огромных когтей.

Все внутри оборотня натянулось от страха и непонимания — *что происходит? Ему это снится? Что это такое?*

В кучах бело—красных лохмотьев Келлен боялся узнать

пустынников. Боялся осознать, что они мертвы.

Вдруг тишину разрезал слабый, прерывистый стон. Затем другой – хриплый, полный боли. Келлен замер, вглядываясь в окровавленный хаос. Движение – едва заметный вздрагивающий комок ткани у опрокинутой повозки. Еще один – за спиной мертвого ишшатбарха.

Их было несколько. Они были живы, но от этого картина стала только ужаснее. Один, с распоротым боком, судорожно хватал ртом воздух, глаза закатились, и по песку от него тянулся темный, липкий след. Другой сидел, прислонившись к колесу, беззвучно шевеля губами, а его рука бесцельно копошилась в кровавой каше, что когда-то было его животом. И... женщина в разорванном платье – медленно, с тихим плачем, ползла прочь, волоча за собой перебитую ногу.

Это была Шира. Келлена затошнило, он хотел броситься к ней, но ноги стали ватными. *Помочь? Чем? У него не было лекарств, не было знаний. Только леденящий ужас и осознание собственного бессилия. Кто это сделал? Зачем? Грабители? Но почему такая... бойня?*

Келлен мог только судорожно думать, пытаться осознать что происходит, но пошевелиться он не мог.

Именно в этот миг один из раненых – тот, что сидел у колеса, – сдавленно закричал. Его стеклянный взгляд устался на женщину, ползущую в сторону джунглей. *«Не уходи... не оставляй...»* – захрипел он, но слова превратились в бессвязное бормотание. В его помутневшем от шока сознании,

исковерканном невыносимой агонией, движение в сторону чащи стало чем—то зловещим — бегством, предательством, угрозой.

— Ты... ты знала... — просипел он, и его окровавленная рука, все еще сжимавшая кривой нож для разделки туш, бессознательно поднялась. — Все из—за тебя...

Шира, обернулась на хриплый голос. Ее лицо, бледное от потери крови, исказилось не пониманием, а животным страхом. Она увидела нож, увидела безумные глаза мужчины.

— Нет... Гарт, это я... — невнятно прошептала она. Келлен даже не понял, что был Гарт. *Он его даже не узнал.*

Гарт был уже не в себе. Боль, страх смерти и тень недавнего кошмара сплелись в его сознании в одного общего врага. С рычанием, больше похожим на предсмертный хрип, он рванулся вперед, не вставая, а почти падая, и вонзил нож в бедро ползущей женщины.

Шира вскрикнула — коротко, пронзительно. И этот звук, словно сигнал, сорвал последние предохранители в других выживших. Хаос боли обернулся хаосом слепой ярости. Кто—то замахнулся обломком упряжи на того, кто стонал рядом. Другой, не разобравшись, вцепился пальцами в горло первому, давя и хрипя.

Келлен наблюдал за этим, окаменев. Это было хуже, чем нападение монстра. Это было падение в самую бездну. Люди, которых он знал всего день, которые проявили к нему жалость, теперь разрывали друг друга в агонии, приняв со-

седа за того невидимого убийцу, что обрек их на эту муку.

Он должен был остановить это! Хотя бы попытаться!

– Стойте! – сорвавшийся крик застрял у него в горле и вырвался хриплым шепотом. Он шагнул из—за дерева, руки вперед, в жесте, полном беспомощности. – Прекратите! Это же вы!..

Но его не слышали. Адская карусель уже крутилась. Гарт, выдернув нож из ноги Ширы, с диким воплем развернулся на звук нового голоса. Его взгляд, мутный и невидящий, скользнул по фигуре оборотня. В нем не было узнавания – только тень, движение, угроза.

– И ты! – проревел он и, собрав последние силы, метнул окровавленный нож в сторону Келлена.

Удар был неточным, слабым. Клинок лишь чиркнул по предплечью Келлена, разрезав ткань и оставив на коже тонкую, жгучую полосу. Боль была ничтожной по сравнению с тем, что творилось у него на глазах. Оборотень, все еще не осознавая, что произошло, медленно коснулся пореза пальцами другой руки, не в силах оторвать глаз от пустынников.

Весь мир для Келлена рухнул окончательно. С тихим вскриком, в котором смешались отчаяние, ужас и протест, он отпрянул назад, в спасительную чашу, прижимая руку к порезу. Спина ударилась о дерево, но он не чувствовал боли – только леденящую пустоту внутри.

Он не знал, сколько так просидел, глядя перед собой на эту картину – пустынники затихли окончательно. Все они

были ранены так сильно, что шансов выжить у них уже не было. И вот Келлен остался один, бездумно глядя на кровавое месиво.

Ни одной живой души.

Или нет — одна, все—таки, была.

Невысокая фигура в широкой черной мантии ловко выскользнула на окровавленный песок с противоположной стороны, прямо из чащи джунглей. Незнакомец — или незнакомка? — остановился, осматриваясь с почти деловой бесстрастностью. Затем он откинул капюшон, и Келлен увидел скрывающую лицо желтоватую маску в форме птичьего черепа с длинным, кривым клювом.

Сердце оборотня замерло, а потом заколотилось так, что в ушах зазвенело. Он вжался в ствол дерева, чувствуя, как каждая мышца одеревенела.

Не двигайся. Не дыши.

Примитивный инстинкт заморозил его на месте, превратив в часть пейзажа.

Маска медленно поворачивалась, осматривая поле бойни. Палец в темной перчатке поднялся и начал неторопливо указывать на трупы, шевелясь — раз, два, три... будто считая. Досчитав до двадцати, фигура замерла. А потом плавно повернулась и уставилась прямо туда, где сидел Келлен.

Он почувствовал, как кровь отхлынула от лица.

Маска наклонилась набок, рассматривая его словно бы с любопытством. И затем... человек в мантии дружелюбно, со-

всем по—приятельски, помахал ему рукой. Небольшой, легкий взмах перчаткой, будто они старые знакомые, случайно встретившиеся на рынке.

Келлен не мог пошевелиться. Не мог моргнуть. Его разум, разорванный между ужасом и непониманием, просто отказался обрабатывать происходящее. Это была сцена из кошмара, где все было не так, слишком тихо, слишком нелепо.

Убедившись, что оборотень не собирается реагировать, фигура равнодушно отвернулась. И тут же ее поведение сменилось. Она не пошла — она запрыгала. Легкие, почти игровые прыжки от одного тела к другому. Незнакомец склонился над Широю, ловко расстегнув ее поясную сумку, вытряхнув содержимое на песок, подобрав несколько блестящих безделушек и монет. Перепрыгнул к Гарту, запустил руку в его окровавленный карман.

Келлен смотрел, завороченный этим леденящим душу спектаклем. Его пальцы впились в кору дерева, но послать сигнал мышцам, чтобы сдвинуться с места, он не мог. Только смотреть. Смотреть, как это существо в маске грабит тех, кто еще несколько часов назад смеялся и делился с ним лепешками.

Наконец, мародер, похоже, собрал все, что хотел. Он огляделся еще раз, кивнул самому себе, и так же ловко, беззвучно, нырнул обратно в густые джунгли, растворившись в зелени.

Только тогда, когда тишина снова стала абсолютной и ни-

чем не нарушаемой, спазм прошел по телу Келлена. Он рухнул на землю, упираясь в нее ладонями и смотря перед собой ничего не видящим взглядом...

Словно вынырнув из транса, он вдруг понял, что вокруг опять стоит мертвая тишина, и никого, кроме горы трупов, здесь больше нет.

Здесь больше никого нет! Все были мертвы – а он жив!

Келлен рухнул на землю, упираясь в нее ладонями и смотря перед собой ничего не видящим взглядом.

Позади громко чирикнула какая—то птица – резкий, невинный звук, похожий на щелчок спускового крючка.

Келлен вздрогнул так сильно, что его плечи дернулись, ударившись о ствол дерева. Это был не просто звук. Это был сигнал, знак, крик часового. В ушах зазвенело от адреналина, мир сузился до тоннеля, в конце которого – только спасительная желтизна пустыни.

Он побежал – его выбросило из зарослей, ноги, подкошенные дрожью, спотыкались о корни и камни, но он не падал, его нес вперед слепой, всепоглощающий страх. Сквозь запах крови и тления, который преследовал его, впитываясь в одежду, в волосы, в самую кожу. Он зажмурился, но под веками все равно плясали кровавые лохмотья и пустые глаза Ширы. Он втянул голову в плечи, словно ожидая удара когтей в спину с каждым шагом. За каждым шорохом песка под собственными ногами ему чудились чужие, быстрые и лег-

кие шаги.

Не оглядывайся. Не оглядывайся. Не оглядывайся.

Песок обжигал ступни через тонкие подошвы сапог, но эта боль была ничем, по сравнению с той липкой, холодной смертью, что осталась позади. Он бежал по горячему песку в свое предполагаемое «обратно». Обратно к стае, к знакомому запаху глины и пряных трав, к суровому взгляду отца, к изматывающим, честным тренировкам с Токелой, к смеху волчат и твердым переплетам книг на полке. Куда угодно. В любую точку вселенной, только не туда, в эту зеленую пасть, что выплюнула столько смерти. Он не хотел умирать. Это желание горело в нем белым, эгоистичным пламенем, выжигая стыд и гордость. Он готов был на все. Распластаться в пыли у ног Шиллана. Целовать его сапоги. Выть от унижения, лишь бы услышать привычную, раздраженную отповедь. Лишь бы снова ощутить над головой тень родной юрты, а не безразличное, палящее солнце пустыни.

Солнце пекло немилосердно, выжимая из него последние соки. Воздух перед глазами заплясал марево, мир поплыл, окрасившись в желтые и белые пятна. Ноги превратились в свинцовые колоды, грудь разрывалась от каждого судорожного вдоха. Он рухнул вперед, упершись руками в колени, и стоял так, согнувшись пополам, давясь раскаленным воздухом. Пот ручьями стекал по вискам и спине, соленые капли падали с кончика носа на ладони, смешиваясь с пылью в грязные круги. Сколько он бежал? Час? Пять минут?

Останавливаться было нельзя. Вдруг *Оно* следит за ним? Вдруг та тварь с маской птицы лишь сделала вид, что ушла, а на самом деле крадется за ним по песку, беззвучная, как тень? Вдруг сейчас из—за дюны покажется черная мантия и помашет ему на прощанье?

Сдавленно охнув, он обернулся, заслоняясь от солнца дрожащей рукой.

На горизонте виднелась темная полоса джунглей. Она казалась такой далекой. Прodelал такой путь... чтобы сбежать?

«Нет, нет, — забилося в висках, — я не сбегал. Я не трус. Я выжил. Я спас свою жизнь!»

Он пытался ухватиться за эту мысль, как за спасительную соломинку. *«Разве отцу я нужен мертвым? Ему нужен живой сын! Любой сын!»*

Голос Шиллана, усталый и разочарованный: *«Что он есть, что его нет...»*

И голос в его собственной голове, безжалостный и четкий: *«А разве отцу нужен ты, а не Рассо?»*

Слова отца зазвучали в черепе набатом, сливаясь с бешеным стуком сердца. *«Что он есть, что его нет...»* Он и правда ни на что не способен? Не смог помочь пустынным. Не смог броситься на того мародера. Не смог даже нормально убежать — спотыкался, как щенок. Он всего лишь вовремя спрятался. И вовремя побежал. Великий подвиг.

Что же ему теперь делать? Куда идти? Весь его побег, вся

эта отчаянная авантюра – ради чего? Чтобы, испугавшись первой же настоящей опасности, поджав хвост, ползти обратно? Униженно умолять о прощении, которое, он знал, отец даст – с таким ледяным презрением в глазах, что лучше бы выгнал пинком?

Зачем он вообще пошел с караваном? Чтобы доказать, что он что—то стоит. А доказал лишь, что способен вовремя испугаться и сбежать. Значит, единственная цель теперь – вернуться обратно? Признать свое поражение еще до того, как путь по—настоящему начался?

Стоя посреди раскаленной пустыни, разрываемый между животным страхом позади и ледяным презрением впереди, Келлен не знал ответа. Он знал только, что его легкие горят, ноги подкашиваются, а в груди ноет пустота. Келлен хрипло выдохнул, закрывая лицо руками и тихонечко поскуливая от разрывавших его эмоций – это был и страх, и разочарование в себе, и стыд, и радость от того, что он до сих пор живой. Но под этими эмоциями все еще пробивалось то чувство, которое он испытал, когда лег в телегу между бочками и смотрел на темное звездное небо. Он уже не дома. Он свободен и предоставлен сам себе.

Что там, за этими джунглями? Какие люди там живут, какие твари там прячутся?

Неужели в нем, спросил он себя, не найдется и капля той отваги, которую отец приписывает Рассо?

Неужели путешествие так быстро закончится?

Что скажет Рассо?

Что он сказал бы?

«...Да, сейчас я быстрее, – в голове всплыл мягкий голос Рассо, за которым совсем юный Келлен отчаянно пытался угнаться. – Но в нас с тобой течет одна кровь, не забывай об этом. Рано или поздно ты обязательно меня догонишь, мой милый, милый младший брат...»

Его взгляд, полный слез, уперся в темно—зеленую полосу на горизонте. В смерть, в приключение, в неизвестность.

Келлен развернулся всем телом. Медленно, как под водой, он побрел обратно к джунглям. Каждый шаг давался тяжелее предыдущего. Песок, который только что казался дорогой к спасению, теперь вяз, как смола, и тянул его вниз. Джунгли, вместо того чтобы приближаться, словно отодвигались, насмехаясь над его медлительностью. Он шел, ощущая, как по щекам, смешиваясь с потом и пылью, текут беспрерывные, горячие слезы. Он уже не пытался их сдерживать.

Он не мог понять, что именно гнало его вперед. Зависть к брату, нарисованному в сознании отца безупречным героем? Жажда доказать Шиллану, что тот ошибался, что его второй сын тоже чего—то стоит? Или просто щемящее, доселе незнакомое любопытство – желание увидеть, что же там, за следующим поворотом, даже если этот поворот смертельно опасен?

Он знал этих пустынных всего пару дней, а по имени обращался к одной лишь Шире да Гарту, но смерть этих людей

оказалась для него настолько неожиданной и, казалось бы, нереальной, что он просто не знал что делать. Смерть любого живого существа всегда воспринималась им как величайшая несправедливость, ему было жаль – ему было безумно жаль! – пустынных, разорванных какой-то тварью, пока он гулял по джунглям.

Келлен не думал, куда он пойдет, он не думал, сколько вещей у него осталось, он пытался прогнать из головы образ Ширы с пустыми, посветлевшими глазами.

На ум вновь пришел скачущий человек с птичьим черепом вместо лица – возможно ли, что этот бессовестный мародер просто проходил мимо? Или это была умышленная затея – погубить караван, и обворовать его? Но как такой маленький, тонкий человечек справился бы с целым караваном, вооруженным охраной?

Оборотень запустил пальцы в свои густые каштановые кудри и прикрыл глаза. Вопросов было много, но где искать ответы?

Он ведь мог бы... схватить незнакомца, если бы среагировал? Но вдруг тот оказался бы простым проходимцем? А если он и виноват – справится ли Келлен с тем, кто за полчаса погубил такое количество людей?

Решив, что стоит хотя бы проверить обстановку, оборотень уныло побрел обратно.

Оборотень снова взглянул на перемешанный с кровью мокрый песок – признаков жизни никто не подавал, а во-

круг стояла оглушающая тишина. Келлен даже подумал бы, что незнакомец в черном ему померещился, но о его присутствии кричали вывернутые наизнанку сумки и раскиданные по песку вещи.

И медленно—медленно он подошел ближе, чувствуя как его накрывает. Сначала просто физическая усталость – ноги стали ватными, в висках застучало. Потом чувства начали постепенно притупляться. Ужас, горечь, паника – все это было еще здесь, но словно за толстым слоем стекла. Он смотрел на эту картину, и она больше не прожигала его изнутри. Она просто была. Факт, как жара или песок под ногами.

Это не было безразличием. Это было истощением. Его психика, перегруженная сверх всякой меры, натянутая, как струна, наконец, нашла единственный способ не сломаться – отделить сознание от чувств. Запереть весь этот внутренний скулеж, всю дрожь и тошноту в глухой, бетонной камере где—то глубоко внутри, чтобы хоть что—то могло функционировать. Чтобы он мог думать. Чтобы мог заставить себя сделать то, что нужно.

Страх никуда не делся – он просто временно замолк. И в этой новой, непривычной тишине ума нашлось место для простой, практической мысли: надо проверить вещи. Забрать свое. Эта мысль была спасительным якорем в пустоте.

Келлен медленно выдохнул. Он подошел к телеге, в которой прятался, и развернул остаток своих вещей. Деньги он взял с собой, когда уходил в первый раз, но волновался об

отцовском подарке.

Оборотень сдернул последний слой плотной ткани на сумке и облегченно выдохнул – меч игриво блеснул на солнце. Кем бы ни был бессовестный мародер, оружие он либо не смог утащить, либо вообще не нашел.

Келлен поднялся с песка. Подхватив походную лопату, выпавшую из сумки одного из пустынников, оборотень принялся раскапывать слипшийся песок. Солнце медленно, но верно скатывалось к закату, но не переставало печь, поэтому каждые двадцать минут Келлен вытирал остатками своего покрывала лицо и тело, убирая липкий пот, после чего делал по паре глотков воды, которую мародер не тронул, и принимался копать вновь.

На то, чтобы выкопать около двух десятков неглубоких могил, Келлену, по его внутренним ощущениям, потребовалось не менее пяти часов. По ночному небу почти торжественно плыла невероятно яркая луна, озаряя своим холодным светом смертельно усталого оборотня, перемазанного кровью и потом, таскающего трупы и укладывающего их в свежие ямы. Его даже посетила странная мысль – если бы кто—нибудь сейчас его увидел... не решил бы он, что это Келлен погубил весь караван?

Засыпав каждую могилу песком, оборотень соорудил на них небольшие холмики, а сверху положил по одной из оставшихся вещей пустынников.

– Покойтесь с миром, – измученно прошептал оборотень

и развернулся в сторону джунглей.

Спать хотелось неимоверно, глаза слипались, а луна словно двоилась. Но юноша решил не искушать судьбу и переночевать в другом месте. Вдруг... вдруг *Оно*, погубившее караван, вернется? Келлен, конечно, достаточно натренированный воин, умеющий неплохо обращаться с двуручным мечом, но проверять, сильнее ли он десятка охранников, которые не смогли справиться с напастью, было еще рано.

Ночевать пришлось в джунглях. Вырубив мечом несколько плотных и мягких листьев какого—то внушительного растения, Келлен ловко забрался на одно из высоких тропических деревьев. Там же, найдя достаточно широкую и толстую ветку, он завернул листья в разодранное чужими когтями покрывало и подложил себе под голову, в качестве подушки.

Над ухом жужжало какое—то насекомое, птицы не стеснялись перекрикиваться в такой час, луна казалась слишком яркой, а перед глазами стоял окровавленный караван.

Оборотень перевернулся на другой бок, приобнимая подушку. Вдохнув влажный ночной воздух, он попробовал успокоить поток бесконечных мыслей, но получалось довольно посредственно.

Что он будет делать теперь?

Первым, ясным и соблазнительным, возник образ: развернуться наутро и идти обратно. Долго, изнурительно, через пустыню, к знакомым дюнам, к дыму очагов. Приползти об-

ратно в оазис, запыленный, с пустыми руками и сгоревшим от стыда взглядом. *«Прости, отец. Я не смог. Я испугался. Я хочу домой».*

Сердце сжалось от тоски. По строгому, но знакомому лицу Шиллана, по голосу Токелы. Возможно, его даже простят. В конце концов, он всего лишь мальчишка, зазнавшийся и потерпевший неудачу. Его осудят, пожалеют, поставят на место, и жизнь вернется в свою колею. Он снова станет вторым сыном, тенью – но хоть живой тенью под родным кровом.

Но тут же, неумолимо, поднялась другая картина: взгляд отца. Не гневный, не яростный. Холодный. Взгляд, в котором не будет разочарования – потому что разочаровываться можно лишь в том, на кого возлагал надежды. И этот взгляд будет страшнее любой пощечины. Он закроет для Келлена все двери, даже те, что были приоткрыты. Он навсегда останется тем, кто сбежал и вернулся, потерпев поражение в первом же испытании. *«Что он есть, что его нет...»* – эти слова обретут новый, окончательный вес.

Вернуться, сказав, что не смог самостоятельно даже из пустыни выйти? Не смог пройти и дня по дороге, по которой ходят торговцы и пустынные? Он представил этот разговор, эту немую сцену презрения, и внутри все оборвалось. Нет. Он не вынесет этого. Лучше сгинуть в этих джунглях, стать пищей для тварей, чем увидеть эту пустоту в глазах отца.

Значит, возврата нет. Обратного пути для него не существовало с той минуты, как он сел в повозку. Теперь он по-

нял это окончательно.

Оставался только один путь — вперед, в неизвестность. Путь, на котором можно хотя бы попытаться что—то изменить.

Келлену предстоит добираться до Академии в одиночку. И это было безумно страшно.

Но ему бы из джунглей выбраться, найти нормальную кровать и еду, а дальше знающие люди обязательно ему подскажут, куда направляться дальше...

Оборотень снова перевернулся, вслушиваясь в какофонию звуков и продолжая размышлять. Шира говорила о том, что недалеко от джунглей есть город, или деревня... Раз он здесь, в лесу, а не в пустыне, значит, граница с Альгиром все —таки была пересечена...

Келлен вздохнул, вспоминая могилы пустынников. С трудом отогнав от себя мысли о Шире и Гарте, чьи глаза он закрыл этой ночью, оборотень вновь предпринял попытку заснуть, и уже через несколько минут тихо посапывал на ветке.

Глава 5

Перед глазами вспыхнуло черное пламя, рядом кто—то закричал. Келлен пытался ухватиться за что—нибудь, но мир вокруг него поплыл, а земля ушла из—под ног. Он упал на песок, но не почувствовал его температуры, проваливаясь в желтую рыхлость пустыни. Все происходило быстро – солнце на небе молнией заслонила темная туча, плач за спиной усилился, а перед падающим, тонущим в песке оборотнем скакал и смеялся незнакомец в маске птичьего черепа, обхватив когтистыми черными руками оторванную голову Ширы. Внезапно ее глаза открылись, и стоило ему посмотреть в пустые, выцветшие глазницы, как...

...как он чуть не свалился с ветки и в последний момент успел ухватиться за шероховатое дерево. Подтянувшись и запрыгнув обратно, Келлен, наконец, осознал – это был сон. Кошмар. Навязчивое, леденящее душу видение, упорно возникающее перед глазами.

Он шумно втянул в себя воздух и стянул плащ – в джунглях ночью похолодало, но тонкая ткань была влажная от пота и неприятно липла к телу. Руки до сих пор дрожали, а ноги щекотала пугающая слабость. Оборотень вцепился руками в волосы и принялся размеренно дышать, пытаясь успокоиться и привести мысли в порядок.

Подняв глаза вверх, к кронам деревьев, он заметил, что

небо начинало потихоньку светлеть. В этом плотном кольце неизведанных им Альгирских джунглей даже нельзя было посмотреть на рассвет. Лишь по бледнеющей синеве, еле пробивающейся через ворох толстых листьев, и по усиливающемуся чириканью неизвестных птичек, пестро мелькающих за стволами деревьев, можно было просто предположить начало нового дня.

Он покрепче перевязал шнур на рюкзаке, поправил меч за спиной и ловко спустился на влажную от росы траву. Вокруг было сумрачно и прохладно, но оставаться на месте было невыносимо. Мысли не давали покоя.

Он шагал, а в голове звучал навязчивый, едкий шепот: «А если бы...»

Если бы он не пошел так далеко в джунгли. Если бы не замешкался, слушая птиц. Если бы сразу бросился назад, едва учуяв кровь. Всего пятнадцать минут, десять, пять... Мог ли он что—то изменить? Успеть хоть кого—то вытащить, предупредить, встать рядом? Может, тогда Гарт не потерял бы рассудок от боли, а Шира...

Мысль обрывалась, оставляя во рту вкус горькой вины. Он был охотником. Воином. Его учили действовать, а не прятаться. И первое же испытание показало его истинную суть — не героя, а трусливого щенка, замершего в кустах. А как он яростно доказывал Токеле на тренировках, что никогда не будет убегать!

Это осознание обжигало. Оно вело за собой другое, еще более трезвое и пугающее: впереди – больше никаких пустынных, никаких стен оазиса, никакого отца или Токелы, способных прикрыть его спину. Джунгли молчали сейчас, но это было обманчивое, хищное молчание. Рано или поздно оно закончится. И когда из чаши выпрыгнет следующее чудовище – прятаться будет уже некуда. Придется сражаться. Или умереть.

Эта мысль была тяжелой и четкой, как клинок его меча. Он больше не мог позволить себе роскошь быть лишь «немного лучше сверстников». Отныне «немного» означало разницу между жизнью и смертью.

Келлен двинулся в обратную от пустыни сторону – вглубь джунглей. Он не знал точной дороги, но теперь понимал, что путь один – вперед. Там, в прошлом, остался не только дом, но и его прежнее, слабое «я». И если он хочет дойти до Академии, до Рассо, до... чего—то, что еще сам не мог назвать, ему придется стать другим. Сильнее. Бдительнее. Без права на промедление.

Трава под ногами задорно хрустела, кроны деревьев шуршали, но его слух был уже напряжен не от любопытства, а от настороженности. Каждый шорох заставлял вздрагивать, пальцы непроизвольно щелкали по рукояти меча. Джунгли угнетали своей однообразной, угрожающей теснотой. В пустыне врага видно за версту. Здесь же он мог таиться в двух шагах, за любым стволом. И Келлен, шаг за шагом, учился

жить с этой новой, неотступной мыслью: следующая встреча с монстром – лишь вопрос времени. И на этот раз бежать будет некуда. Через довольно долгое время он присел под особенно крупным деревом и принялся расшнуровывать рюкзак. Желудок посылал жалобные вибрации, и Келлен пожалел, что не подумал о еде, надеясь в пути на доброту пустынных. Вода у него осталась, но в рюкзаке не было ни одной съедобной крошки.

Оглядевшись, Келлен с досадой отметил, что понятия не имеет, чем можно питаться в джунглях. Перед дорогой он даже не удосужился почитать о том, как выжить на намеченном маршруте. Ужасное упущение.

– Умереть от голода в этом путешествии будет обиднее всего, – хрипло пробормотал он себе под нос, поднимаясь с земли и снова перераспределяя поклажу.

Пройдя еще некоторое время, он заметил, что ландшафт слегка изменился – деревья стали как будто ярче и реже. Рядом пролетела птичка. Келлен проводил ее задумчивым взглядом и вдруг замер: пернатая опустилась на невысокое деревце, прямо на округлый желтый плод, и принялась уверенно его клевать, разбивая мягкую мякоть и пачкая клюв в прозрачном соке.

Оборотень тут же уловил сладковатый фруктовый запах и подскочил к дереву, усыпанному некрупными, размером с кулак, плодами. Большинство из них были слегка потемневшими, со следами птичьих клювов.

«Раз птицы едят, значит, и мне можно», — успокоил себя парень и сорвал один из наименее тронутых плодов. Аккуратно надкусив его, он почувствовал сладко—кислый, диковатый вкус, отдаленно напоминавший не самую сладкую дыню.

Подумав несколько секунд, Келлен собрался с духом, насобирал несколько фруктов и устроил под деревом привал. Достав воду и сполоснув ей свой незамысловатый завтрак — или уже обед? — он принялся уминать сочные плоды, сплевывая горькие маленькие косточки и запивая все это дело оставшейся водой.

На перекус у него ушло совсем немного времени, а Келлен не планировал ночевать в джунглях еще раз. Он быстро поднялся с земли, отряхнулся и подхватил вещи — пора было выдвигаться. На всякий случай он замотал в ткань еще несколько фруктов и положил их в рюкзак, наверх, чтобы не раздавить ненароком.

Убедившись, что ничего не забыл, оборотень вновь двинулся через кустарники и деревья, в сторону предполагаемого “вперед”.

Через некоторое время он остановился, потеряв ладонями покрывшиеся мурашками от прохлады плечи, после чего решил надеть еще стянутую утром кофту. Про себя он отметил, что вокруг стало гораздо тише — птицы, почему—то, перестали щебетать.

Стоило ему сделать шаг вперед, как острый слух оборотня

вдруг уловил глухой лязг и еле слышное, утробное рычание впереди. Волосы на затылке встали дыбом, и тело само собой застыло в полуприседе, готовое к прыжку назад. Сердце заколотилось, сжимая горло ледяным комом. *Опять.*

Панический шепот в голове завопил немедленно и ясно. *«Беги! Не смотри! Спрячься!»* Его ноги, помня вчерашнее бегство, уже готовы были оттолкнуться от земли. Каждая клетка тела кричала об опасности, о смерти.

Но тут же, поверх этого крика, поднялось другое чувство. Тяжелое, гнетущее, поселившееся в нем с прошлого вечера.

Вина.

Яркая, как незаживающий ожог, картина: вывернутые сумки, раскиданные вещи, и он, застывший за деревом, беспомощный свидетель. *«Если бы ты не спрятался тогда... если бы бросился помогать сразу...»*

Этот внутренний укор пересилил леденящий страх. Он сглотнул сухость в горле. Нет. Не снова. Он не позволит себе еще раз стать пассивным зрителем чужой гибели. Даже если это будет последнее, что он сделает.

Рывком, почти против собственной воли, он перехватил polegчавший в руке двуручный меч, ощутив знакомый, успокаивающий вес рукояти. Не думая, почти не дыша, он ринулся вперед – навстречу звукам, навстречу опасности, навстречу своему новому, мучительному решению.

Холодный ветер начал бить в спину, звуки битвы приближались, и вот оборотень вылетел на широкую поляну, окру-

женную джунглями, и обомлел, когда запах крови безжалостно хлынул в нос. Картина перед ним была почти завораживающая.

Огромный цербер метался по поляне, заставляя землю дрожать. Это была не просто большая собака — это была гора израненного мяса, обтянутого клочьями черной, свалявшейся шерсти. На боках и крупе шерсть вылезла клочьями, обнажая серую, сочащуюся кожу и проглядывающие сквозь нее ребра. Из трех разинутых пастей, усеянных кривыми желтыми клыками размером с кинжал, стекала густая, фиолетовая жижа, шипевшая и дымившаяся при попадании на траву, оставляя после себя черные, обугленные пятна.

Но самым жутким был его хвост — скорпионий отросток, сегментированный, хитиновый, с подрагивающим жалом на конце, которое метало из стороны в сторону, выискивая цель.

Его черная шерсть стояла дыбом, каждый лязг челюстей сопровождался хрустом собственных костей. Когти на лапах были не просто толстыми — они были кривыми и черными. И над всем этим витал тошнотворный запах — сладковато—приторная вонь падали.

Шесть глаз цербера, расположенные попарно над каждой пастью, были затянуты плотной белесой пеленой, но это не мешало чудищу с пугающей точностью реагировать на каждое движение противника. Оно было слепое, но смертельно опасно, движимое каким—то искаженным, неживым ин-

стинктом.

И, несмотря на этот вид, цербер скакал по поляне с чудовищной, неестественной скоростью. Его сгнившие мускулы, подчиняясь злой воле, сжимались, выбрасывая массивное тело вперед, а три пасти, изрыгая клубы того же фиолетового пара, пытались зацепить клыками и когтями метавшегося перед ним человека с мечом. Рассмотреть лицо неизвестного было сложно, но Келлен, перед тем как очнуться, проводил взглядом длинные, густые и блестящие алые волосы – отличительная черта коренных альгирцев, цвет глаз и волос которых варьировался от бледно—рыжего до кроваво—красного.

Но это были не волосы – это был самый настоящий жидкий рубин, промелькнула мысль в голове оборотня за мгновение до того, как он вцепился пальцами в рукоять меча и обрушился на среднюю голову цербера одним быстрым прыжком. Лезвие как нож по маслу прошло сквозь толстую мохнатую шкуру, но встретило твердое препятствие внутри – вероятно, кость. Цербер взвыл, дернулся, но Келлен метнулся вбок и со всей силы потянул на себя меч, совершивший лезвием полукруг, частично отрывая голову от массивной шеи.

Спрыгнув на землю, Келлен повернулся и с ужасом замер – оторванная голова цербера безвольно болталась на последнем куске шкуры, но остальные две только сильнее оскалились, клацая челюстью и дернувшись прямо на него.

Он не знал, что подтолкнуло его ринуться в бой – навер-

но, то, что до этого он не сражался, но теперь, когда он увидел, насколько церберу было наплевать на его смелый выпад, оборотню вдруг стало очень—очень страшно.

Сильная рука схватила его за шиворот, и в мгновение ока оборотень оказался за широкой спиной человека с алыми волосами, который сдерживал мечом разинутую клыкастую пасть.

– Какого демона ты застыл как вкопанный? – рявкнул мужским голосом незнакомец, не оборачиваясь. – Ты не видишь – он мертвый, ему от потери одной головы хуже не станет!

Келлен сообразил, что времени на ответ нет, и на спотыкающихся ногах выскочил из—за чужой спины, зачем—то вгоняя меч в лохматую боковину пса.

– Лапы руби, лапы! – заорали сзади.

Келлен дернулся вперед, чудом уворачиваясь от взмаха когтей, и нанес удар по основанию одной из лап цербера. Рядом снова клацнула пасть, и он вновь увидел спину красно-волосого, отбивавшего клыки треснувшим мечом.

Ноги у Келлена словно подкосились. Он сглотнул, пытаясь крепче сжать рукоять, но пальцы ослабели от страха – почти вся поляна была накрыта тенью гигантского пса.

Келлену захотелось заскулить.

– Сопляк, либо беги отсюда, либо не мешайся под ногами! – зарычал незнакомец, отбивая нападки брызжущих слюной

челюстей.

Цербер вновь клацнул массивной челюстью. Мужчина, отбивая ее, не заметил дернувшуюся вперед когтистую лапу, которая полоснула его по боку, разрывая одежду.

Хлынула горячая кровь и мужчина пошатнулся, хватая ртом воздух. Цербер еще раз замахнулся, но промахнулся когтями, просто треснув мужчину по затылку тяжелой лапой и лишая его сознания.

Келлен понял, что незнакомец ему больше не помощник, а сам он видел цербера только в книжках, так что надо делать ноги.

Пока гигантская псина сладко облизывала лапу от свежей крови, Келлен мигом обернулся волком, схватил потерявшего сознание незнакомца зубами за одежду и побежал вглубь леса, ловко проскальзывая между изогнутыми деревьями. Сзади раздавался отдаляющийся грохот, неповоротливый цербер пытался угнаться за ними, но застревал в деревьях и проваливался в испещренную овражками землю.

Келлен бежал и бежал, быстро, но аккуратно – не хотелось повредить и так раненого человека. Удивительно, но разорвавшаяся от когтей цербера одежда на самом деле была довольно крепкой, выдерживая хватку зубов оборотня.

Келлен заметил впереди небольшой ручей, упирающийся в заросшую густыми кустами скалу. Он подбежал ближе, аккуратно положил красноволосого человека на берегу и су-

нул нос в кусты, пытаясь определить, куда утекает ручей – и с радостью обнаружил там довольно просторную пещеру, в которой от ручья хоть и остался узкий ключ, но даже он протекал куда—то вглубь резво и обильно.

Келлен втащил незнакомца внутрь, обернулся обратно человеком и принялся судорожно расстилать то самое покаленное покрывало кого—то из пустынников, которое таскал с собой. Перетащив мужчину на него, он подложил ему под голову свою сумку и, наконец, решился осмотреть рану.

В общем, было так страшно, как показалось ему сначала – он промыл рану мужчины родниковой водой, и обнаружил длинный широкий порез, который, в общем—то, был неглубоким. Крови, конечно, было очень много, но в основном за счет большой площади ранения.

Келлен оторвал от пледа кусок ткани и дрожащими руками кое—как забинтовал талию незнакомца. В лекарствах он ничего не смыслил, и теперь страшно об этом жалел.

Ну и дурень, подумал оборотень, столько про монстров и континенты прочитал, а хоть одну книжку по выживанию не удосужился?

Внезапно из кинутого им на пол пещеры плаща мужчины вдруг выполз мохнатый паук, размером с ладонь. Паук был черного цвета с яркими красными вкраплениями. Он уставился на замершего Келлена множеством блестящих глазок и больше не двигался.

Оборотень испуганно отпрянул – окраска паука явно го-

ворила об опасности. Он уже потянулся за сумкой, как рядом раздался тихий кашель.

Келлен тут же обернулся к мужчине и настороженно коснулся чужого плеча.

– Вы в порядке? – прошептал оборотень, бросая взгляд на замершего паука. – Как вы себя чувствуете? Рана сильно болит?

– Живой – и ладно, – буркнул мужчина, приоткрывая глаза и разглядывая Келлена в полутьме пещеры. – О, и ты, вроде, помирать не собираешься. Или нас обоих сожрал цербер, а это – озеро Кейтверна?

– Нет—нет, мы живы! Живы! – Келлен испуганно замахал руками. – Я вытащил нас оттуда, цербер вроде не сумел угнаться... Не двигайтесь! Тут ядовитый паук! Сейчас я попробую его...

– Эй, не трогай Шу, – незнакомец повернулся к пауку. – Малыш, перепугался, да? Иди сюда...

Под удивленный вздох Келлена паук тут же засеменил по полу пещеры и забрался на живот лежащего мужчины. Тот погладил его пальцами по пушистой спинке и улыбнулся:

– Он залез ко мне в сумку пару месяцев назад. Подворовывал вяленое мясо, но ни разу не укусил. А как я начал его подкармливать – так и вовсе с меня не слезал. Я решил назвать его Шу.

– Понятно... – неловко ответил Келлен, поглядывая то на незнакомца, то на мирно сидящего паука.

Мужчина прикрыл глаза, помолчал и, наконец, выдавил:

– Ты меня очень выручил.

Келлен слегка наклонил голову, пытаясь тщательнее рассмотреть незнакомца – перед ним полулежал человек с изящными, но мужскими чертами лица, приятный, с албастровой кожей, которую сильно оттеняли рубиновые длинные волосы. Один глаз закрывала черная кожаная повязка.

– Мой меч украла одна тварь. Я дожил до твоего прихода только потому, что не успел выкинуть свой старый, сломанный, да и само чудище уже было изрядно изранено, – вновь раздался голос мужчины. Он открыл свой здоровый глаз, и Келлен увидел радужку ярко—красного цвета.

– Я неопытен в бою с подобными чудовищами, но очень рад, что смог вам помочь, – Келлен прокашлялся и вытянул вперед ладонь. – Меня зовут Келлен.

– Приятно познакомиться, Келлен, – мужчина вздохнул, но вдруг обнажил в улыбке ряд белых ровных зубов и крепко пожал оборотню руку. – Можешь звать меня Адель, и давай на «ты» – а то чувствую себя тем еще стариком. И спасибо тебе. Ты неопытен, но потенциал есть. Правда, с мечом в руках выглядел немного неуверенно. Обычно используешь другой стиль боя или другое оружие?

– Я оборотень, – улыбнулся в ответ парень. – Так что в принципе не привык сражаться на двух ногах.

– Давно я не встречал оборотней, – Адель попытался при-

нять сидячее положение, и со второй попытки у него вышло. — Обычно они далеко от своей стаи не отползают. Тебя выгнали, что ли?

— Ох, нет, — Келлен достал из рюкзака бутылку с водой и протянул вспотевшему мужчине. — Просто мне нужно кое—кого найти. Кое—кого, сбежавшего из стаи.

— Тяжело же тебе придется, — собеседник с благодарностью посмотрел на парня, сделал большой глоток, шумно выдохнул и вытер уголок рта тыльной стороной ладони. — Оборотни ведь такие... тепличные. Привыкли охотиться только на своей территории. — Он поднял глаза на Келлена. — На таких тварей, как цербер, в форме оборотня не пойдешь — эту шкуру не так—то просто прокусить. А учитывая, что нам еще и нежить попалась, можно было легко какую—нибудь сразу подхватить.

Адель, а ты сам—то... человек? — осторожно спросил Келлен, присаживаясь рядом. Жителями Альгира в основном были людьми, но он много читал о том, что рас так много, что едва ли каждый третий встречный окажется чистокровным.

Мужчина искоса посмотрел на него, хмыкнул и произнес: — В некоторой степени — да. Я метаморф, но сейчас нахожусь в своей изначальной, человеческой форме.

— А можешь и не в человеческой? — Келлен восторженно распахнул глаза, наклоняясь вперед.

Он лишь немного читал о метаморфах, но сама способ-

ность перевоплощаться в кого угодно его завораживала. Ему —то из превращений светил только лохматый волк — нелегкая доля оборотня.

— Могу, — Адель кисло улыбнулся. — Но метаморфы не превращаются во что вздумается лишь по одному желанию, как это описано в детских книжках. Чтобы принять чужой облик — полностью скопировать плоть и даже способности — мне нужно выпить кровь.

— ...Как вампиру? — пораженно выдохнул Келлен.

— О, Бездна! — Мужчина коротко фыркнул и внезапно взъерошил волнистые волосы оборотня. — Ты прямо как ребенок, ей—богу. Какой вампир? Я не выпиваю кровь из жертвы, мне достаточно всего пары капель. Обычно я ношу с собой специальный артефакт — в нем лежат колбы с кровью разных существ. Благодаря особому зачарованию она не портится и не теряет свойств. Смотри... ах, точно! — Адель инстинктивно повернулся, но замер на полпути и раздраженно хлопнул себя по колену. — Этот упырь стащил все мои вещи! Найду эту тварь — и...

— Кто стащил? — насторожился Келлен. Еще при виде чербера он мельком подумал, не эта ли тварь напала на караван. Но теперь выяснилось, что некто ограбил и его нового знакомого.

— Этот подонок, закутанный в черный плащ! — стиснув зубы, прошипел мужчина, отбрасывая со лба выбившийся локон алых волос. — Я сделал привал и отошел буквально на

минуту, а когда вернулся, из—за деревьев на меня вылетел цербер. Я кинулся к мечу — к своему бесценному клинку! — но увидел лишь этого ублюдка в маске, удиравшего с моими вещами. Хоть старый меч он и не забрал, но с ним, очевидно, мне была уготована встреча с предками.

— В маске... в виде птичьего черепа? — опасливо уточнил оборотень.

— Откуда ты знаешь? — Адель резко повернулся к нему, сузив глаза. — Откуда, повторяю, ты его знаешь?

— Подожди, не нервничай, — Келлен миролюбиво вскинул ладони. — Мы с тобой в одной лодке. Я пересекал пустыню с караваном и, как и ты, решил отлучиться в джунгли, у которых мы остановились. Там я немного задержался — заблудился. А когда вернулся... — голос парня понизился и охрип. Он прокашлялся и поднял на собеседника потемневшие от грусти глаза. — Весь караван был мертв. Их изодрала какая—то тварь, скорее всего цербер. Я не успел даже выйти к ним, как примчался этот... этот, в маске, и утащил все самое ценное.

— Понятно, — Адель откинулся назад, подперев подбородок рукой. — Значит, этот упырь натравил чудище сначала на вас, потом на меня. И ведь даже не найдешь его теперь — лица—то не было видно!

— Я не знаю, что теперь делать, — прошептал Келлен, потирая переносицу.

— Знать бы, где его искать... а куда ты вообще путь держишь?

– В Академию Мастеров, – выдохнул оборотень.

– Да ну? – мужчина заметно оживился. – Не в столицу ли, часом?

– Именно. В Вербешулл. Мне нужно в Центральную Академию, там теперь работает мой брат. Я должен с ним увидеться – на связь он выходить отказался. И я должен вернуть его домой.

– Какое совпадение, – Адель задумчиво нахмурился. – Дело в том, что я тоже туда иду. И мне тоже надо к кое–кому...

Лицо Келлена просветлело. Неужели Судьба решила наградить его за все испытания? Или отец так усердно молился предкам, что они послали ему помощь?

– Я... я предлагаю объединить усилия! – оборотень вскинул голову, и его глаза загорелись. – Давай вместе доберемся до Академии! Я не буду обузой, честно! У меня есть деньги, и...

– Спокойно! – мужчина вскинул руку, улыбаясь. – Я понимаю. Это хорошая мысль. Ты потерял сопровождающих, я – все свое оружие. Вдвоем нам и правда будет легче. Ты все—таки спас мне жизнь, так что не воспринимай это так, как будто ты ко мне напрашиваешься. Я видел тебя в бою, и обузой ты не будешь. Скорее уж я... но у меня есть хорошие сбережения в столице, так что этот вопрос тоже решим.

– Ты из Аардема? – вскинул брови оборотень.

– Нет, я вообще нигде не живу, но много путешествую. Метаморфов довольно мало, и заказы для нас есть везде. По-

этому почти в каждой столице западных и южных государств у меня припасено жилье и деньги.

Келлен завистливо присвистнул. Сколько же удивительных стран и городов повидал этот человек? И что привело его в эти пограничные джунгли – такое глухое, нелюдимое место?

– Как долго нам идти до Аардема?

– Пару дней, если сядем к какому—нибудь торговцу в телегу. Нам повезло: здесь неподалеку Флелес, довольно большая деревня. Поскольку она стоит прямо у границы джунглей, там всегда собирается немало путешественников, и почти все обычно держат путь в столицу Альгира. Так что попутчиков точно будут набирать. Я бы нашел способ добраться до Академии куда быстрее, но, увы, мне сейчас нужно соблюдать осторожность.

– Ты знаешь, в какую сторону идти? – оборотень с тоской посмотрел на плотную стену зелени, видневшуюся сквозь кусты.

– Я Альгир знаю как свои пять пальцев, – ухмыльнулся Адель, поднимаясь с каменного пола. – Ты уже и так немало прошел, так что до проезжей дороги нам несколько часов осталось.

– Стой, стой, – Келлен упрямо подхватил мужчину за локоть. – А как же твоя рана? Ты сможешь идти?

– Это царапина, – Адель отмахнулся и выпрямился, слегка поморщившись. – Ты настоящих ран просто не видел. Пока

из нее ничего не вываливается, я и бегать, и прыгать смогу.

Он протянул руку, по которой деловито карабкался Шу, и посмотрел на Келлена:

– Не хочешь погладить?

Келлену очень не хотелось показаться трусом. Собрав волю в кулак, он осторожно коснулся пальцами спинки паука, едва касаясь пушистой шерстки. Шу зажмурил глаза и издал тихий свистящий звук, похожий на урчание.

– Ты ему понравился, – ухмыльнулся Адель, убирая паука во внутренний карман плаща, и шагнул к выходу из пещеры.

Келлен вздохнул, собрал свои вещи и раздвинул заслонявшие проход кусты.

Глава 6

Келлен уже который час пробирался сквозь густые заросли, постоянно упираясь в широкую спину Аделя, который, навскидку, был выше него чуть ли не на голову. Он вообще показался оборотню достаточно взрослым, серьезным и рассудительным мужчиной, но, правда, довольно вспыльчивым. Он с ледяным лицом прорубал своим обломанным мечом ломкие кусты, но стоило одной веточке зацепиться, как единственный открытый алый глаз вспыхивал, а железный обрубок со свистом разрубал воздух. Первую пару таких моментов Келлен даже вздрагивал, но потом привык.

И все равно – время от времени Адель упирался ладонью в шершавые деревья, словно ища в них поддержку и опору. Келлен никогда не видел глубоких ран, и не знал, правда ли мужчина сможет идти дальше без проблем.

– Смотри—ка, – хрипло шепнул ему метаморф, вылезая из кустов и оглядывая широкую землистую дорогу, испещренную ямками от колес множества телег.

Келлен вышел за ним и тоже огляделся, щурясь от хлынувшего на них солнечного света. По ту сторону дороги было усеянное разными цветами поле, на горизонте виднелись редевшие альгирские леса, не такие густые как джунгли, стоящие за их спинами темной, толстой стеной.

– Неужели мы наконец—то выбрались? – неверяще про-

изнес оборотень, вытирая рукавом кофты мокрый лоб.

– Да, но не расслабляйся, нам еще предстоит добраться до города, – Адель похлопал его по плечу.

– При виде чего—то, кроме джунглей, у меня открылось второе дыхание, так что если ты покажешь мне в какую сторону надо двигаться и возьмешь вещи, домчимся в два счета, – ободряюще улыбнулся Келлен, скинув рюкзак с мечом и начиная разминать плечи.

– Отлично, – метаморф посмотрел на границу горизонта, к которой медленно приближалось солнце. – Хотя для меня все еще секрет, куда исчезают вещи самих оборотней, когда они обращаются?

– О, это все руны, – Келлен похлопал себя по груди. – Мы на каждую свою вещь нашиваем специальные руны, этому учат с детства, а с ними вещи и одежда как бы становятся продолжением нашего тела и сливаются в шерсть.

– Значит, руны вы закрепляете собственной кровью? – Адель слегка наклонил голову. Келлен кивнул. – Кто ж вас этому научил?

– В смысле?.. – немного растерянно спросил мальчик.

– Оборотни не пользуются рунами и магией крови, все это – знание, которое кто—то дал вам со стороны, даже если это и было давным—давно, – Адель пожал плечами. – Не обижайся, но у каждой расы есть свой определенный магический профиль. То, что вы превращаетесь в волков, или еще каких—то животных, и есть ваша магия. А руны и ма-

гия крови — это магия настолько древняя, что почти у всех есть что—то с ней связанное. Я ведь тоже специализируюсь на узкой отрасли магии крови. Ладно, превращайся, давай, а то твое лицо вдруг стало выглядеть слишком напряженным и глупым.

Оборотень встряхнул головой и в мгновение ока обернулся крупным лохматым волком, после чего подошел к мужчине и фыркнул, ткнувшись мокрым носом в чужой бок. Адель потрепал волчий затылок и, подхватив вещи, ловко запрыгнул к нему на спину.

Келлен ринулся навстречу теплому порыву ветра, отталкиваясь от сухой дороги и поднимая за собой пыль. Метаморф крепко держался за его толстую шкуру, щурясь от мягких ударов воздуха и пытаясь разглядеть на горизонте очертания деревни.

Через некоторое время сквозь поредевшие силуэты деревьев начали пробиваться высокие домовые шпили и темная каменная крепость, огораживающая деревню. Келлен остановился и дернул хвостом — Адель понимающе хмыкнул и спрыгнул. В одно мгновение волк вновь вытянулся в стройную мальчишечью фигуру, и метаморф кинул ему часть вещей, которые тот ловко поймал на лету.

— Крупновато выглядит твоя деревня, — присвистнул оборотень, когда они подошли к высоким металлическим воротам.

— Ты еще городов местных не видел, — улыбнулся ему муж-

чина, подходя к стражникам. — Доброго дня вам. Не пропустите ли внутрь меня и моего спутника?

К ним вразвалку подошел хмурый охранник, накручивающий пальцами кончик своих длинных усов.

— На торговцев вы не похожи, — зевнул он, смахивая со лба пот.

— Мы путешественники, — выступил вперед Келлен, смотря на охрану горящими зелеными глазами. В груди искрило нетерпение, желание поскорее увидеть деревню — не оазис, усеянный юртами, а настоящую человеческую деревню!

— А мне какой толк—то от твоих слов? — стражник нахмурился еще сильнее. — Вдруг дебоширы какие—то, я что, каждую морду сюда пускать должен? И так развелось здесь всяких...

— Слушай, ты... — Адель живо закатал рукава, но Келлен робко схватил его за локоть и вышел вперед.

— Что нам сделать, чтобы вы нас пропустили? Мы правда очень устали, и просто ищем ночлег, к тому же мой спутник ранен...

— Ну, друг мой, как правило, у путешественников нередко водится звонкая монета, — угрюмо хмыкнул мужчина, покачивая в руке тяжелым металлическим шлемом.

— Сколько? — сконфуженно пробормотал мальчик, доставая из кармана мешочек с монетами.

Стражник чуть оживился, и уже через минуту двух товарищей окружил шумный и живой город.

– Зря ты так разбрасываешься деньгами, – нахмурился Адель, огибая кишащий вокруг народ. – Мы имели право зайти и без пошлины, можно было только приписать себя к какой—нибудь крупной гильдии, а там уж – кто докажет?

– Но это было бы нечестно, – улыбнулся оборотень, удобнее перехватывая в руке рюкзак и бодро шагая по широкой площади, на которой уже постепенно начинали зажигаться фонари, а люди – редеть. – Поступай с людьми так, как хотел бы, чтобы поступали с тобой. Даже если бы у нас был шанс схитрить, пока есть возможность поступать честно, я буду поступать честно.

Он с восторгом оглядывал широкую площадь – дома были огромными по сравнению с юртами, в которых жили пустынные, а люди выглядели совсем по—другому – хрупкие, рыжие, шагающие не босиком, а в сапожках и сандалиях не по песку, а по вымощенной камнем площади.

Вот как выглядит внешний мир, с восторгом думал Келлен, оглядывая разнообразные лавки и полки с книгами, пряностями и фруктами. Конечно, в пустыню тоже время от времени приезжали торговцы, но они всегда отличались изрядной молчаливостью, не скупясь лишь на перечисление цен, а здесь, стоило ему поймать взгляд раскрасневшейся молодой торговки, как она заулыбалась и приглашающе замахала ему рукой.

– Какая... неактуальная в наше время позиция, – вздохнул метаморф, прерывая его размышления и оглядывая улицу. –

Такие добряки как ты долго не живут. О, таверна! Как насчет перекуса? У меня просто эти фрукты скоро из ушей полезут, серьезно.

– Прекрасно тебя понимаю, – Келлен шагнул в сторону, пропуская на дорогу стайку смеющихся детей, которых громко звала женщина из дома неподалеку. Он улыбнулся им вслед и, проследив за направлением Аделя, двинулся к таверне, освещенной в темноте желтыми фонарями. За окнами виднелись кишащие силуэты, и слышался чей—то смех, но стоило оборотню переступить порог и уловить теплый запах сочного мяса, печеной картошки и хлебного пива, как все мысли разом вылетели из головы.

Адель потянул его за локоть и усадил на широкий деревянный стул грубой отделки, после чего сам сел напротив, сразу же поднимая руку со стоящим перед этим на столе колокольчиком.

Через несколько секунд появилась румяная девушка с копной светлых волос и слегка заостренными ушами – вероятно, помесь эльфа и человека. Она прижала к пышной груди металлический поднос и сладко произнесла, посмотрев на Келлена из—под опущенных ресниц:

– Добрый вечер, путники, чем я могу вам помочь?
– Давай побольше картошки и целую хрюшку, – откликнулся Адель, выпрямляясь на стуле. – И пива – две кружки, желательно хорошего. Будут помои – вылью на голову.
– Адель! – вскинулся оборотень, но получил в ответ лишь

зевок.

Девушка поджала губы, но кивнула, и, развернувшись на каблуках, скрылась за толпой людей.

– Ты слишком строг к людям, – Келлен скрестил руки на груди и исподлобья уставился на мужчину, расправляющего рукой свои алые волосы. – И вообще, стоит ли пить алкоголь, будучи раненым? Я не лекарь, но меня все—таки терзают сомнения...

– Это ты слишком строг ко мне, – наклонился к нему через стол метаморф. – Жители южных регионов не такие добрые, как твои соплеменники. Здесь каждый будет искать в чем—то выгоду для себя. Ты хорошо одет и носишь на спине явно дорогой меч – разумеется, эта ушастая готова была отдаться тебе прямо на этом столе, вместо главного блюда. А что касается пива, так дорости сначала, чтоб говорить, что мне можно, а что нельзя.

Келлен хотел, было, возразить, но перед его носом опустилась тяжелая тарелка, полная горячей картошки, сливочного масла с сыром и свежей зелени. Тут же один из официантов водрузил на стол поднос с пышущим жаром румяным поросенком, набитым яблоками и черносливом. Запах хлынул такой, что оборотень в одно мгновение оставил все претензии и схватился за вилку. Девушка, подходившая к ним ранее, звонко стукнула пивными кружками о столешницу и протянула тарелочку для оплаты.

– Три кредита и семь ассов, – она улыбнулась Келлену,

заправив за ухо светлую прядь.

– Секунду, – парень отсчитал четыре серебряных монеты и аккуратно положил их на тарелку. – Сдачу оставьте себе, это вам за обслуживание.

Девушка подмигнула ему и скрылась в толпе. Адель сделал вид, что его подташнивает, но, столкнувшись с укоризненным взглядом оборотня, молча взял вилку и принялся есть.

Келлен опустил в рот мягкую картофелину, с которой почти капал горячий сыр, и зажмурил глаза от удовольствия – как же, оказалось, он хотел нормальной, сытной и вкусной еды. Метаморф напротив него с хрустом сломал карамельную корочку на ноге поросенка ножом, и, брызгая соком, отломил кусок, перекладывая к себе в тарелку. Откусив мясо и шумно втянув в себя довольно неплохое пиво, мужчина расслабленно откинулся на спинку стула, подсовывая кусочек мяса выглядывающему из кармана плаща Шу. Жизнь потихоньку налаживалась.

Жители деревни и путники, что удивительно, только прибавлялись в таверне, хотя вечер был уже довольно поздний. Галдеж стоял весьма громкий, но даже острый оборотничий слух он не раздражал, поэтому Келлен расслабленно наблюдал за снующими туда—сюда людьми. Он затолкал в рот последнюю картофелину и уже хотел, наконец, попробовать пиво, которого до этого в глаза не видел, но его прервал заговоривший приятель.

– Надо бы попросить дать нам комнату, – зевнул Адель, слегка покачиваясь на стуле.

– Да, нам просто необходим хороший... отдых... – дыхание оборотня внезапно перехватило, и он побледнел, пальцами вцепившись в столешницу до побелевших костяшек.

Мир вокруг перестал шуметь, когда он, словно в тягучей, замедленной съемке увидел, как хлопает входная дверь и в толпу вливается темная, сгорбленная фигура.

Подобрав рукой полы черной мантии, сквозь огромное количество людей, официантке скалилось нечто, скрытое за маской в виде длинного птичьего черепа.

– Адель, – прохрипел оборотень, не в состоянии отвести взгляд. – Адель, посмотри...

Метаморф заторможено моргнул, повернул голову, и, если бы Келлен в тот момент посмотрел на него, увидел бы, как удивительно широко распахнулся единственный здоровый глаз метаморфа.

– Какого упыря... – почти утробно зарычал он. – Что эта морда здесь делает? Я его...

– Подожди, – парень схватил его за плечо. – Я разделяю твои чувства, но ты не можешь убить человека на глазах у всей этой толпы.

– Ты сам—то помнишь, что мне рассказывал? – резко развернулся к нему Адель. – Его человеком назвать язык не повернется! Мародерище, выкосившее двадцать человек и чуть не прикончившее твоего покорного слугу!

– Успокойся, давай спросим, – Келлен цепким взглядом следил за фигурой в черном. Их недоброжелатель по—очереди подходил к гостям таверны и распахивал полы мантии, демонстрируя ряд баночек, колбочек и мешочков с чем—то неизвестным. Разговора оборотень не услышал – слишком сильный вокруг стоял гвалт, – но видел, как пара человек достала монеты, что—то покупая, а остальная часть отвешивала легкие пинки и подзатыльники.

– Извините, – Келлен подошел к крупному мужчине угрожающего орочьего вида, сидящего неподалеку от них. – Вы не подскажете мне, кто этот... человек в маске? Да, вон тот.

– Ой, так это ж недолекарь местный, – хмыкнул хриплым басом мужчина. – Начал тут бродить, может, около полугода назад. Торгует травками, мазями, настойками всякими, но какие ж они у него дрянные! Говорят, что чуть помогают, но у аптекаря нашего местного вещи гораздо поприличней, жаль даже что уехал. Не знаю, чего он тут ошивается, но покупать лекарства у него ни у кого желания особо нет, лучше уж до города нормального за ними доехать. Он вообще странный – ходит в этой маске дурацкой постоянно, как будто мы здесь чумные все. Как по мне – дурак дураком.

– Спасибо, понятно, – Келлен прервал поток слов мужчины, который явно любил почесать языком, и вернулся к Аделю, пересказав ему всю раздобытую информацию.

– Короче, если пришьем его, особо горевать никто не будет, – метаморф неотрывно следил за перемещениями их

недоброжелателя. Лицо его отчего—то побледнело.

— Давай попробуем обойтись без убийства, — Келлен нервно прикусил уголок губы. — Если мы убьем его, то это будет какой—то неразрывный круг зла и убийств, потому я считаю, что никому не дано судить, надо ли...

— Может, у тебя тогда другие идеи есть? — холодно процедил мужчина, скрещая руки на груди. — Я все понимаю, ты у нас метишь в пантеон богов после смерти, но мы не можем отпустить его, когда судьба сама сует поганца к нам в руки.

— Я же не говорю отпускать, — оборотень устало помассировал переносицу. — Надо, во—первых, спросить у него про твои вещи...

— Спрашивать не будем, будем требовать, — метаморф вздохнул. — Ладно, тогда у меня есть довольно бесчеловечное предложение...

Адель вдруг позеленел и схватился за свой бок.

— Адель, что случилось? — Келлен испуганно кинулся к нему. — Ты меня слышишь?...

Внезапно сбоку раздался какой—то грохот. Келлен заторможено повернулся и увидел, как прибежала полная женщина с растрепанными волосами и мокрым полотенцем в руках.

— Ах ты засранец, — она с силой ударила полотенцем по столешнице. — Я сколько раз велела тебе не торговать своей дрянью в моей таверне? Опять притащился, значит? Костей целых много, а? — пока женщина вопила, лекарь попытался к выходу, но его перехватили два амбала, пришедшие, вероят-

но, с хозяйкой таверны. – Ну, нет, милочек, не ускользнешь! Косточки—то тебе пересчитают, авось носу потом из леса своего не покажешь!

Сердце Келлена пропустило удар – преступник вот—вот ускользнет у него прямо из—под носа, но Адель что—то захрипел и вцепился в стол побелевшими пальцами.

– Адель, Адель, чего же ты... – оборотень чуть не всхлипнул, дрожащими руками вытаскивая из сумки бутылку воды и пытаясь дать мужчине глотнуть.

Глаза Аделя вдруг закатились, и он рухнул лицом на стол. Оборотень ахнул и принялся трясти его.

– Адель! Очнись, очнись, ты же не умер?..

– Что тут? – к нему подошел один из привлеченных шумом посетителей. – Чай, перепил друг—то твой?

– Нет, он ранен, ему стало плохо! – забормотал Келлен, пытаясь растряссти Аделя. – Мне... есть у вас лекарь? Где—нибудь?

Мужик прижал к носу Аделя два пальцы и хмыкнул:

– Жив он, не верещи. Но не знаю, долго ли он протянет, вон какой бледный. А с лекарем... ой, не знаю. Наш—то нормальный уехал отсюда, остался только этот дурной. Друг твой явно одной ногой в могиле, так что наверно нет разницы, идти к этому или не идти...

– Вы говорите про... про того человека в маске? – поджал губы мальчик, не отпуская Аделя и прижимая его к себе.

– Ну да, про кого ж еще? Так—то у нас все нормальные...

– мужик растерянно почесал затылок. – Но где живет – не знаю точно, но вроде где—то в лесу. Он туда постоянно ходит и ночует тоже там.

– Спасибо, – прошептал Келлен и прикрыл глаза. Огромные, горькие противоречивые чувства затопили его. Адель так и не очнулся, он лежал бледной, восковой куклой.

Адель его защитил. Адель не знал, что за мальчишка забрел на поляну с цербером, но до последнего закрывал его спиной и обрубок меча.

Келлен не знал, смог бы он поступить так же, потому что колени его все еще подгибались от воспоминаний о цербере.

Но просить помощи у того, кто был виновником смерти двадцати человек? На того, кто на глазах Келлена равнодушно выворачивал сумки мертвых пустынных, не выражая и крупинцы почтения их телам?

И как, как же Келлен должен был идти просить у него...

Адель захрипел, откашлялся, но не очнулся. Кожа его стала совсем нездорового, серого оттенка.

– Предки, помогите мне, – шепотом взмолился Келлен, подхватывая Аделя на руки и кидаясь прочь из таверны.

Он слегка пробежал по темной улице, освещаемой лишь парой магический фонарей, как увидел на повороте два бессознательных тела – тех самых амбалов, выкинувших того лекаря из таверны.

Келлен даже нашел в себе силы хмыкнуть – ну, конечно, человек, расправившийся с целой толпой, спокойно уложил

двух мужчин.

Но самого его нигде не было.

Глава 7

Келлен совсем выдохся. Вышедшая на улицу какая—то женщина махнула в ту сторону леса, куда обычно уходил тот лекарь, и оборотень уже больше получаса бродил по нему с Аделем на руках.

Запомнив, как тот мужик из таверны прикладывал пальцы к носу Аделя, Келлен еще несколько раз проверял его дыхание, но казалось, что с каждым разом оно становится все слабее и слабее.

Слезы невольно навернулись на глаза. Неужели это он притягивает какие—то несчастья? Сначала добрые пустыньники погибли, а он выжил, а теперь защищавший его Адель вот—вот перестанет дышать прямо на его руках!

И он не мог попросить помощи ни у кого, кроме виновника этих бед!

Впереди вдруг задребезжал свет. Келлен ринулся вперед и наткнулся на широкий, раззявивший пасть вход в пещеру, из глубины которой виднелся дрожащий, теплый свет свечей.

– Есть кто—нибудь?.. – крикнул он, заходя внутрь. Понимался какой—то шум, звон разбитого стекла и тихое чертыханье.

Из—за угла внутри пещеры выскользнула фигура, закутанная в черную мантию.

– Ты... о? – раздался недовольный голос. Голос был хоть

и явно мужским, но чуть сиплым и достаточно высоким. — Заблудился? Так ищи себе ночлег в другом месте!

Келлен замер, уткнувшись несчастными глазами в бездушную маску в виде птичьего черепа и всхлипнув, рухнул на колени, все еще прижимая к себе Аделя.

— Пожалуйста, помогите ему, — зашептал он, давясь горячими слезами унижения. — Мне сказали, что кроме вас никто не может помочь! Вы же лекарь? Это ведь правда?

Незнакомец, казалось, слегка опешил и замер. Он опустил голову в сторону Аделя, взглянув на него, и даже немного вздрогнул.

— Его я лечить не особо хочу, — пробормотал он, плотнее закутываясь в мантию.

— Пожалуйста, пожалуйста, ну помогите! — Келлен вскинул голову, глядя на птичий череп заплаканными глазами. — Он спас меня, я не хочу, чтобы он умер! Я заплачу сколько попросите, у меня есть много денег...

Он одной рукой вытащил мешок с монетами и непослушными пальцами попытался его развязать.

— И... и ассы, и к—кредиты, и даже ливры есть... — зашептал он, шмыгая носом. — Пожалуйста, хоть все заберите, но спасите Аделя... ему уже совсем плохо...

— Да что ты тут устроил!.. — вздрогнул незнакомец, растерянно почесывая затылок. Оборотень неосознанно отметил, что он немного картавил. — Прекращай, я...

— Пожалуйста, пожалуйста! — Келлен умоляюще протянул

в его сторону бессознательного Аделя. — Я очень вас прошу! Я сделаю что угодно!

— Как давно ты знаешь этого человека? — незнакомец в маске присел на корточки напротив оборотня. — С какой стати ты вдруг собираешься делать за его жалкую жизнь что угодно?

— Потому что Адель меня спас, он хороший человек, — Келлен чуть было не добавил “в отличие от тебя”, но вовремя прикусил нижнюю губу.

— А, так хороший человек, по—твоему, это тот, кто делает хорошо конкретно тебе? — из—под маски послышался тихий смех. — Ладно, спишу эту невероятную глупость на твой юный возраст.

Келлен хотел что—нибудь ответить, но, взглянув на посеревшее лицо Аделя, просто всхлипнул.

Раздался тяжелый вздох. Незнакомец в маске поднялся и отряхнул мантию.

— Ладно, тащи свою принцессу сюда, — он развернулся и быстрым шагом двинулся внутрь пещеры. Келлен, захлопав глазами, выпрямился, пошатнувшись, перехватил Аделя поудобнее и припустил вслед за незнакомцем.

Они брели некоторое время, пока не вошли в широкое, освещенное свечами углубление. Это была такая небольшая округлая каменная зала, обставленная всяким барахлом.

Длинная каменная столешница полукруглой дугой огибала большую часть помещения. В одном конце от нее стоя-

ла на удивление приличная деревянная многоярусная полка, а в другом – набитая сеном лежанка. На столешнице были разбросаны книги и пергамент, вперемишку с различными бутылочками, коробками и банками, набитыми чем—то непонятным. С потолка свисали перевязанные чем—то пучки разных трав, но вокруг все равно стоял запах какой—то сырости.

Незнакомец махнул рукой на расстеленную на каменном полу лежанку. Келлен аккуратно уложил на нее Аделя, вздрогнув от того, как быстро вдруг начала холодеть его кожа.

– Пошел прочь, – беззлобно оттолкнул его лекарь, опускаясь рядом с Аделем. Он, словно бы принялся, ощупал Аделя со всех сторон и ловко стянул с него рубашку.

Келлен чуть не вскрикнул – вся ткань, обернутая вокруг раны, была насквозь пропитана черной кровью.

– Он же... он же сказал что рана несерьезная... – мальчик почувствовал желание снова всхлипнуть.

Лекарь быстрым движением разрезал импровизированные бинты, макнул пальцы в густую кровь и, приподняв маску, судя по всему засунул их в рот.

– Рана и впрямь на уровне большой царапины, – заявил он. – И со временем просто бы затянулась, но дело не в ней. Он заражен трупным ядом, судя по всему он был на когт... э—э, на том, чем его там полоснули.

– Ему можно помочь?

– Разумеется, я в этом деле мастер, – самодовольно заявил лекарь, поднимаясь и идя в сторону каменного стола.

Увы, Келлен не разбирался в лекарстве. Какие—то заклинания, зелья, мази и нитки – все это словно бы прошло мимо него, он просто без остановки смотрел на нахмуренное лицо Аделя, лежащего без сознания.

Очнулся он тогда, когда талия обнаженного по пояс Аделя была перевязанная чистыми белыми бинтами, а лицо мужчины немного просветлело, разгладилось и вернуло себе более—менее нормальный оттенок.

Келлен сел рядом и вздохнул.

– Спасибо, – удалось ему выдавить из себя. Теперь, когда жизни метаморфа вроде бы ничего не угрожало, к оборотню вернулось понимание того, что за человек ему помог. Убийца и падальщик.

– Не слышу в твоем голосе искренней благодарности, – хмыкнул в ответ лекарь, вытирая руки полотенцем.

Келлен поджал губы:

– Я правда благодарен. Но одной жизни взамен двадцати все равно мало, чтобы я нашел тебе оправдание.

Лекарь замер и обернулся. Птичий череп уставился на Келлена пустыми глазницами.

– Нет, чтобы спасибо сказать, за то, что сидишь здесь.

– Добьешь? – спросил Келлен, сообразив, что такой исход тоже имеет место быть.

– Нет, – неожиданно просто ответил лекарь, скрестив ру-

ки на груди и прислонившись бедром к каменной столешнице. – Зачем? Раз ты выжил, значит так надо. Мне нужно было двадцать мертвых людей – я их получил.

– Тогда зачем ты напал на Аделя? – Келлен сжал ладони в кулаки.

– А разница, если я все равно его спас? – лекарь развел руками, не давая конкретного ответа.

– Ты... – Келлен вздохнул и попытался успокоить эмоции. – Как я могу обращаться к тебе?

– Ты так быстро перестал обращаться ко мне на “вы”, – притворно вздохнул лекарь, отворачиваясь. – Как коротка человеческая благодарность. Зови меня лекарь, какая разница?

– Но имя—то у тебя есть? – упрямо спросил оборотень. – Я вот Келлен.

– Что ж, Келлен, – фыркнул его собеседник. – Зови меня Крис.

– Почему ты носишь маску? – не удержался от вопроса мальчик.

– Потому что я страшно уродлив, – Крис гадко хихикнул и принялся перебирать стеклянные колбы с зельями. – Я типа злая страшная ведьма, живущая в темном лесу и все такое.

– Как можно быть таким беспечным, убив двадцать человек?

В пещере повисла тишина.

Крис обернулся к нему. В дрожащем пламени свечей пти-

чья маска выглядела по—настоящему жутко.

— Ты такой юный, — вдруг раздался почти грустный голос Криса. — И, наверное, никогда никого не убивал.

— И никогда никого не убью! — вскинулся Келлен, сжав кулаки.

— Убьешь, конечно, и не одного, — вновь отвернулся от него лекарь. — И вот тогда я отвечу на твой вопрос. Поверь, да даже года не пройдет, если ты твердо намерен пересечь хотя бы пару континентов. Да—да, не спрашивай, откуда я знаю — все вы, маленькие щенки с большими мечами наперевес, переполнены желанием покорить мир. Но не убив никого, ты не сможешь пойти выше.

— Выше?... — переспросил Келлен. — Я просто иду в Академию. Я не намерен никого убивать, мне просто надо... кое—кого найти, и все. Мне не нужно покорять мир.

— Сейчас ты говоришь об этом так, потому что еще не видел этого мира, — Крис принялся агрессивно толочь в ступке какой—то черный порошок, но его приглушенный маской голос оставался спокойным. — А потом ты обязательно захочешь его покорить.

— Ты ничего обо мне не знаешь! — Келлен зло посмотрел на лекаря исподлобья пару секунд, и вновь вернулся взглядом к Аделю.

— А ты не вселенского уровня загадка, чтобы я над тобой голову ломал, — из—под маски послышалось тихое фырканье. Келлен прикусил нижнюю губу.

– Когда очнется Адель?..

– Думаю, к завтрашнему вечеру, – Крис протер куском ткани стеклянные колбы и убрал их куда—то за каменную столешницу. – Так что у тебя есть время подумать, как вы будете со мной расплачиваться.

Келлен снова вспыхнул от злости – из—за этого колдуна Адель был ранен, а теперь тот еще и требует оплату!..

Но ругаться дальше не было сил – он просто продолжил сидеть у лежанки, уткнувшись лбом в холодную стену пещеры и прикрыв глаза. За последний день на него вывалилось слишком много событий.

В голове проносились несвязные мысли, и, думая обо всем – об Аделе, о Крисе, об Академии – он и уснул.

Глава 8

Когда Келлен проснулся, пещера все также была объята полутьмой и еле слышным треском свечей. Теперь оборотень лежал на каменном полу, оперевшись головой о собственную сумку. Его двуручный меч все также тоскливо стоял у стены.

Он сел на полу, потянулся и повернул голову к Аделю – тот все также лежал без сознания, тихо и размеренно дыша.

Вокруг было тихо. Оборотень встал, огляделся и подошел к каменной столешнице, проведя по ней пальцами – она была сухая и холодная.

В пещере было пусто.

– Ке... Келлен... – оборотень резко обернулся – на лежанке попытался привстать на локтях охрипший Адель.

Келлен сразу же кинулся к нему, бухнувшись на колени и поддерживая метаморфа за плечи.

– Стой, стой, не пытайся так резко встать!.. – Келлен нервно облизал губы, смотря на то, как заметался по пещере взгляд Аделя. Сообразив, оборотень дрожащими руками вытащил из сумки бутылку с водой и осторожно приложил горлышко к губам Аделя.

Тот сделал несколько жадных глотков и закашлялся.

– Какого... упыря со мной произошло?.. – мужчина вытер уголок губ тыльной стороной ладони, опускаясь обратно на

лежак.

– Отравление трупным ядом, – слова никак не вязались с широкой улыбкой Келлена, который, наконец, до конца осознал, что Адель очнулся – да еще и гораздо раньше, чем ему говорил Крис.

– Тогда почему я еще живой? – Адель поднял ослабевшую руку и ощупал опоясывающую его талию бинты.

– Потому что... – Келлен вдруг стушевался. Теперь ему предстояло самое сложное.

После сбивчивого рассказа о том, что случилось после потери сознания метаморфа и кто его лечил, Адель скривился и отвернулся к стене.

– Удивительно паршивое развитие событий, – наконец выдал он после недолгого молчания. Келлен залился стыдливой краской и положил ему руку на плечо:

– Зато ты сейчас жив! Это самое главное!..

Адель еще немного помолчал и вдруг повернул голову к оборотню:

– Что теперь? Ты подружился с этим... Крисом? Простил ему все грехи?

– Да как можно?!... – Келлен чуть не подавился воздухом от возмущения. – Как я мог его простить, когда он просто спас от смерти человека, оказавшегося в таком положении по его вине?

– Эй, эй, я не хотел тебя обидеть, – Адель не сдержал слабой улыбки. – Но мне очень нравится твоя реакция. Только

краснеть так переставай, ты меня смущаешь. Так вот, к чему я все это веду... Ах, во—первых, мне стоит поблагодарить тебя. Если бы не ты, неизвестно чтобы со мной было...

— Тебе не больно разговаривать? — вдруг вновь забеспокоился Келлен. — Дать еще воды?

— Да в порядке все, успокойся, — мужчина фыркнул. — Теперь надо придумать, что делать с этим твоим Крисом. Что —то мне это все не нравится. Зачем местному недолекарю грабить караваны и путников?

— Ну, к нему тут явно относятся не очень хорошо, — оборотень подтянул к себе колени, обхватив их руками и оперевшись щекой. — Возможно, ему нужны деньги? Но почему он тогда просто не ограбил нас, к чему такое массовое убийство? Или почему тогда именно мы, а не кто—то из местных?

— И как он сумел подчинить себе мертвого цербера? — Адель задумчиво оглядел пещеру. — Я отчетливо слышал, как он приказал ему разорвать меня. Для такого нужны мощные артефакты. Если они у него и впрямь есть, это не сулит ничего хорошего. Знаешь... Я пока с трудом двигаюсь, так что прошу тебя: обыщи пещеру как следует.

Келлен почувствовал, как внутри него поднялась буря противоречивых чувств. Стоит ли так поступать?..

— Не знаю... — с беспокойством проговорил юноша, следя за тем, как Адель с кряхтеньем сел, а потом, опираясь на стену, поднялся на ноги. — Но все—таки он не отказал мне,

согласился тебя вылечить...

— Ох уж эта юношеская наивность, — Адель, прихрамывая, подошел к выходу из пещеры и замер, прислушиваясь к тишине. — Ты слишком быстро списал со счетов все его грехи, обольстившись одной мелкой уступкой. Напомнить, по чьей вине я оказался в таком состоянии?

Келлен вновь вспыхнул и поспешно отвел взгляд — он не имел права отодвигать преступления Криса на задний план. Но ему упорно хотелось поскорее забыть об этих ужасных событиях.

Келлен медленно подошел к массивной каменной столешнице, больше похожей на стол алхимика, нежели лекаря. Поверхность была хаотично завалена склянками с мутными жидкостями, пучками сушеных трав, распространявших горьковатый аромат, и стопками потрепанных книг с пометками на полях. Юноша задумчиво провел пальцами по прохладному камню. С чего начать?

Подойдя к сваленным друг на друга мешкам и коробкам, он начал осторожно отодвигать их, запоминая где и что лежит, чтобы Крис не заподозрил внешнего вмешательства.

— Что у тебя украл Крис? — Келлен повернулся к опирающемуся на стену у входа в эту каменную комнату Аделю.

— Меч и сумку, — мужчина не отрывал напряженного взгляда от темного коридора. — Меч был в черных ножнах с серебряной отделкой, что—то вроде веток терновника. Сумка — бордового цвета, небольшая, на ней руны расширения.

Она заклята на крови, так что вряд ли оттуда что—то пропало. Эм... если тебе это поможет, она обернута шнуром с золотыми нитками, и руны такими же вышиты.

Юноша внимательно его выслушал и принялся осматривать груды тряпок, склянок, и мелких коробочек.

Первым делом он все—таки нашел вещи Аделя – меч и сумка были свалены в кучу с другими трофеями: одеждой и утварью пустынников, которые Крис, судя по всему, еще даже не разбирал. Отложив их, Келлен принялся за остальные груды. В одном из ящиков его взгляд привлек знакомый символ на дорожном мешке – еще одни вещи каравана. Он осторожно развязал шнурок на мешке, сам не зная, зачем решил туда полезть. Внутри лежали три золотых обруча, инкрустированные маленькими алыми камнями, имитирующими идущую вдоль обруча цепь, в звеньях которой были выгравированы незнакомые Келлену руны.

– Что это? – он помахал Аделю одним из обручей. – Царские короны? Они какие—то странные, но выглядят очень дорогими.

Адель повернулся к нему не сразу, но заметив этот золотой блеск, сначала прищурился своим единственным здоровым глазом и вдруг, спотыкаясь, бросился к Келлену, хватывая у растерянного оборотня один обруч и рассматривая его.

– Мать моя Бездна!.. – выдохнул мужчина, осторожно проводя пальцами по алому узору на обруче. – Откуда здесь

эта дрянь?.. Если это не подделка... нет, это точно то, о чем я думаю!..

— Ну? — Келлен, взволнованный реакцией Аделя, встревоженно оглядел два оставшихся обруча. — Что это? Какое—то сокровище?

— Можно и так сказать, — Адель вдруг хищно осклабился, засовывая один обруч под рубашку. — Это Рабские Ошейники. Они в Альгире запрещены, впрочем, как и на большинстве материков.

— Р—рабские? — Келлен испуганно разжал пальцы, и обручи с оглушительным лязгом покатались по каменному полу.

— Спрячь их обратно, — сквозь зубы бросил Адель, подтолкнув один из обручей к ноге Келлена, и развернулся к коридору. — Одного нам хватит.

— Хватит для чего? — осторожно спросил юноша, торопливо собирая звенящие обручи и засовывая их в мешок. Он старательно принялся восстанавливать порядок, сдвигая ящики и мешки так, будто ничего не трогал.

— Для того, чтобы разобраться с этой скользкой тварью, — прозвучал ответ после затянувшейся паузы. — Я тебе напомню и буду напоминать: он вырезал твой караван, а я чудом уцелел. Не питай иллюзий.

— А что... что с ним будет после того, как мы наденем этот... ошейник?

— Ну, во—первых, заставим его дать клятву, что он нам

не навредит, потом... возможно, мы возьмем его с собой, — Адель обернулся к оборотню.

— Зачем? — Келлен почувствовал себя неуютно под этим взглядом.

— Затем, что я не прощаю обид, — Адель скривился. — Мне нужно время, чтобы решить, как его использовать. Но оставлять его здесь тоже опасно — Рабский Ошейник убивает раба за неделю, если не будет чувствовать в радиусе двух домов хозяина, а убивать я не очень хочу. Но очень хочу наказать эту дрянь. Давай так — если он подойдет ко мне достаточно близко, просто вали его на пол и держи, пока я не нацеплю ошейник.

Келлен не успел ничего ответить, он хотел подняться на ноги, но споткнулся о ящик, придвинутый вплотную к стене. Из—под крышки выглядывал уголок ткани. Юноша, в попытке отвлечься от противоречивых мыслей, отодвинул крышку — внутри лежал длинный сверток. Развернув его, Келлен застыл, глядя на тяжелый клинок боевой косы.

— Адель, здесь...

Адель вдруг тихо шикнул на него, и прохромал обратно к лежанке, быстро укладываясь и закрывая глаза. Келлен испуганно задвинул коробку обратно, снял обувь и бесшумно переместился к лежанке, после чего опустился на холодный пол и принялся беспокойно вглядываться в лицо притворно спящего Аделя, хотя его беспокойство было обусловлено приближающимися шагами, которые, правда, были еще

весьма отдаленными.

Келлен до боли прикусил нижнюю губу. Идея Аделя с рабочим ошейником казалась... дикой. Она в корне противоречила всему, во что он верил, и тем моральным принципам, которые в него закладывали с детства. Это было унижительно, неправильно, почти кощунственно.

Но в то же время...

Почему же тогда в груди, под самым сердцем, разливалось это предательское, тягучее тепло? Впервые с тех пор, как Рассо исчез из его жизни, Келлен почувствовал рядом чужое крепкое плечо. Рядом был взрослый, который не смотрел на него как на досадную помеху или обузу. Кто—то, кто был готов взять на себя ответственность, прикрыть, защитить.

Чувство собственной значимости для кого—то другого, пусть даже в такой странной и извращенной форме, кружило голову. Ему так отчаянно не хватало этой опоры, что даже железный обруч на чужой шее сейчас казался меньшим злом, чем ледяная пустота одиночества.

Глава 9

– Тебе стало одиноко, и ты решил побеседовать со спящим другом? – раздался за его спиной глухой голос Криса.

– Я... – Келлен сглотнул. – Я просто переживаю, он так долго спит...

– Вечером проснется, – Крис подошел ближе. Выражение его лица было скрыто за маской в виде птичьего черепа, но Келлен все равно поежился, глядя в эти пустые костяные глазницы. – И вы оба уберетесь отсюда подальше, потому что больше заниматься благотворительностью я не намерен.

Келлен хотел вновь яростно поспорить с ним, но, вместо этого, спросил:

– Зачем ты их всех убил?

Повисла пауза. Оборотень прикрыл глаза – он знал, что вопрос был задан для того чтобы опять найти лекарю—душегубу оправдание. В его голове не умещался плохой Крис, убивший двадцать человек, и хороший Крис, спасающий Аделя. Ему нужно было выбрать кого—то одного, и он все никак не мог определиться.

– О, ты не отстанешь, да? Ладно уж, слушай. Мне нужно было вернуть кое—что очень важное для меня, – лекарь опустился рядом с ним на корточки, повернув голову к “спящему” Аделю. И оборотень с дрожью обнаружил, что слышит в голосе Криса оправдание. – И... мне сказали, что если я

убью двадцать человек, то верну, что ищу. Мне не хотелось вырезать половину деревни, в которой я пока что живу, вот я и сидел два месяца у границы, ожидая хоть один караван. Но, кажется, меня обманули.

– Тебе просто сказали убить двадцать незнакомых, невинных людей, и ты пошел это делать? – Келлен с горечью понял, что все—таки выбрал “плохого” Криса.

– Да, я пошел и сделал, – резко повысил голос лекарь и стремительно выпрямился, поворачиваясь к юноше спиной.

– А Адель? Он тебе что сделал? – Келлен подскочил на ноги, сжав кулаки.

– Под плохое настроение попал! – рявкнул Крис, резко к нему развернувшись, но вдруг дернулся и, пытаясь сделать шаг назад, споткнулся и упал на пол.

Вытянув руку и показывая куда—то за спину Келлена, он задушено заскулил:

– У—убери эту тварь! Убери, убери! Немедленно! Ты слышишь?!

Келлен непонимающе обернулся и увидел сидящего у руки Аделя Шу, заинтересованно смотрящего на лекаря.

Крис снова принялся что—то бормотать, отползая назад, как Келлен вдруг осознал – вот он, шанс!

Резко кинувшись вперед, оборотень навалился на лекаря, который удивленно охнул, пытаясь отпихнуть от себя Келлена. Капюшон мантии свалился назад, обнажая лохматые волосы насыщенного синего цвета и дрожащие эльфийские

уши.

– Сейчас! – завопил юноша, но Адель уже подошел к ним, доставая из—за пазухи рабский ошейник. Крис попытался что—то зашептать, но Адель тут же зажал ему рот, отпихивая Келлена плечом немного в сторону.

– Колдовать пытался? – ухмыльнулся мужчина. – Ну ничего, сейчас мы с тобой сами поколдуем.

Он оседлал трепыхающееся тело и одной рукой зажал чужие кисти за спиной, а другой – нацепил ошейник на шею лекаря, и, блеснув алым глазом, рывкнул:

– Полей ошейник своей кровью, быстро!

Келлен замешкался на секунду, но, обернувшись, рассек ладонь об острый скол на каменной стене пещеры и обхватил ошейник саднящей рукой, по которой сразу же заструилась теплая кровь. Ошейник слегка засветился, и раздался утробный чавкающий звук, а затем все затихло.

Адель слез с замершего лекаря, у которого вместо золотого ободка на шее теперь был красный узор—татуировка.

Лекарь лежал еще пару мгновений, после чего резко сел в позу лотоса. Птичий череп повернулся в сторону Келлена, и из—под него раздалось подлое хихиканье:

– Нацепил на меня рабский ошейник, да? Радуетесь теперь? Вот только зря, зря. Вам, дурные дети, следовало бы узнать, кто я такой, прежде чем выкидывать подобную глупость.

– Он просто пытается нас запугать, – хмыкнул Адель,

подходя к бледному Келлену. — Прикажи—ка ему снять это уродство со своего лица, посмотрим хоть, кого поймали.

— С—ними маску, — сбивчиво пробормотал Келлен, все еще не понимая что он чувствует сильнее — облегчение или отчего—то нарастающую тревогу.

Крис чертыхнулся и одним резким движением сдернул с себя птичий череп.

Келлен застыл.

На него смотрело прекраснейшее существо — эльф. Но эльф был странный — у него были лохматые, отросшие ярко—синие волосы, сверкающие безумной ненавистью желтые, как у совы, глаза и чудесное, почти женственное бледное лицо настоящего благородного эльфа — высокие скулы, тонкий нос, густые темные ресницы и слегка припухшие, искушенные губы. Изящные, чуть покрасневшие эльфийские ушки были бесцеремонно проткнуты черными кольцами, что, в совокупности со странными волосами и непонятными глазами, огрубляло общий вид эльфа.

— Налюбоваться не можешь, пес? — хрипло выплюнул эльф, и Келлен заметил еще одну странность — у того во рту был ряд острых, акульих зубов. Первое впечатление прелестного благородного лица исчезло, и, со стыдом в глубине души, юный оборотень сделал вывод, что их невольный собеседник больше по—странному уродлив, чем утонченно красив.

Келлен не мог ничего ответить — он пытался подавить

странное, шевельнувшееся в груди гнилое чувство. Это... так ощущается власть над другим живым существом?

– Вот это экземпляр нам попался, – Адель грубо схватил отвернувшегося эльфа за подбородок, но тот в ответ лишь дернулся и попытался цапнуть метаморфа за палец. – Ай—яй, агрессивный какой. Минуту назад ты был явно поговорчивее, дружок. Что скажешь, Келлен? – Адель задрал голову, испытываяще смотря на оборотня снизу вверх. – Что будем делать с этой бешеной псиной? Убить мало, если честно.

– Ты кого псиной назвал, урод? – прорычал эльф, вновь попытавшись задеть метаморфа – только уже ногой, на что тот, с явно брезгующим лицом, лишь поднялся и отошел на пару шагов. – Вы крупно попали...

– Это ты крупно попал, – перебил его Адель, отворачиваясь. – Ты ошибся, когда решил меня ограбить, но еще большей твоей ошибкой было не добивать меня.

Келлен вспомнил затянутые белой пеленой глаза Ширы и сжал кулаки. Как бы ни было жалко смотреть на трясущегося, чумазого эльфа, это не отменяет факт того, что на его руках кровь как минимум двадцати человек. Даже если они были для оборотня незнакомцами, случайными попутчиками – он представить себе не мог, чтобы лишиться разумное существо жизни.

Но теперь одно из этих разумных существ в его власти.

Поэтому он не мог понять эльфа, но и убить его тоже не

мог.

– Ты нацепил на меня рабский ошейник, – просипел лекарь, смотря на бесстрастного Аделя снизу вверх. – Но напомнить тебе, как он работает?

Мужчина нахмурился – он был уверен, что ошейник не даст маленькому уродцу навредить Келлену.

– Так вот, – продолжил эльф. – Ошейник же будет работать сроком до смерти этого щенка, – он кивнул на Келлена. – Но кто может гарантировать то, что станет с ним после смерти? Не боишься моей мести?

– Что ты имеешь в виду? – нахмурился метаморф. Что—то противное вдруг зашевелилось на задворках его сознания. Интуиция подсказывала, что найти недостающую во всей этой картине деталь поможет возвращение в момент ограбления.

Джунгли, позднее утро. Он, заметивший незнакомца в маске птичьего черепа. Отсутствие меча. Мертвый, но живой цербер. Вылетевший из кустов Келлен.

Секунду... мертвый цербер?

Страшная догадка мелькнула в сознании Аделя.

– Не может быть... – метаморф слегка побледнел и сделал шаг назад, неотрывно смотря на заливающегося хихиканьем эльфа.

– Я не просто иногда колдующий эльф, – он улыбнулся, обнажая ряд акульих зубов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.